АННА КЭТРИН ГРИН

Преступление по соседству

Расследования мисс Баттерворт

18+

Перевод Миланы Ивановой

Анна Грин
Преступление по соседству

https://litres.ru/74720144
SelfPub; 2026

Аннотация

Ночью в пустующий особняк по соседству входят мужчина и женщина. Уходит только один. На следующий день в доме находят тело, а вместе с ним — загадку, в которой каждая новая улика словно противоречит предыдущей.

Наблюдательная и независимая мисс Амелия Баттерворт не намерена уступать расследование полиции. Пока опытный сыщик Грайс строит свои версии, она замечает то, что ускользает от других: странности в одежде, случайные слова, слишком удобные объяснения.

Первый роман о мисс Баттерворт — классический детектив о семейных тайнах, обманчивых впечатлениях и женщине, которая привыкла думать самостоятельно.

Содержание

Книга первая. Окно мисс Баттерворт 4
Глава I. Находка 4
Глава II. Вопросы 19
Глава III. Амелия находит свое призвание 30
Глава IV. Сайлас Ван-Бернам 45
Глава V. «Я не знаю эту женщину» 51
Глава VI. Новые обстоятельства 62
Глава VII. Мистер Грайс открывает мисс Амелию 67
Глава VIII. Сестры Ван-Бернам 83
Глава IX. Новые открытия 93
Глава X. Важные показания 105
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Анна Грин
Преступление по соседству

Книга первая. Окно мисс Баттерворт

Глава I. Находка

Я женщина не любопытная. И все же, когда однажды теплой сентябрьской ночью я услышала, как к соседнему дому подъехал и остановился экипаж, я не устояла перед искушением встать с постели и выглянуть из-за занавески.

Во-первых, дом был пуст – во всяком случае, считался пустым, поскольку его хозяева, как я имела все основания полагать, еще находились в Европе. А во-вторых, именно из-за своей нелюбопытности я, одинокая незамужняя женщина, часто упускаю многое из того, что мне было бы и интересно, и полезно знать.

К счастью, в ту ночь я такой ошибки не допустила. Я встала и выглянула в окно. В тот миг я, разумеется, и не подозревала, что тем самым делаю первый шаг в расследовании, которое закончилось…

Но о конце говорить еще рано. Лучше расскажу, что я увидела, раздвинув занавески на окне своего дома в Грамерси-парке[1] ночью 17 сентября 1895 года.

Поначалу – почти ничего: всего лишь обычный наемный экипаж у соседнего тротуара. Фонарь, которому положено освещать нашу часть квартала, стоит по другую сторону улицы, в нескольких десятках шагов от нас, так что я едва различала внизу, на тротуаре, молодого мужчину и женщину. Однако я заметила, что деньги кучеру передавала женщина, а не ее спутник. Мгновение спустя оба уже стояли на крыльце давно закрытого дома, а экипаж уехал.

Было, как я уже сказала, темно, и молодых людей я не узнала – по крайней мере, их фигуры показались мне незнакомыми. Но тут щелкнул дверной ключ; они довольно долго провозились с замком и наконец исчезли с крыльца. Я решила, что мужчина – Франклин, старший сын мистера Ван-Бернама, а дама – какая-нибудь их родственница. Правда, оставалось загадкой, зачем самый щепетильный член этого семейства привез гостью в столь поздний час в дом, где не было ничего необходимого для удобства даже самого непритязательного посетителя. С этой загадкой я и вернулась в постель.

Разгадать ее мне, однако, не удалось. Минут через десять, когда я уже снова собиралась заснуть, со стороны соседнего дома донесся новый звук. Дверь, которую совсем недавно закрыли, опять отворилась. Я поспешила к окну и еще успе-

ла увидеть молодого человека, быстро уходившего в сторону Бродвея.

Женщины с ним не было. Он оставил ее одну в огромном пустом доме – по-видимому, даже без света и уж во всяком случае без компании. Тут я усомнилась: похоже ли это на Франклина Ван-Бернама? Не скорее ли на его беспечного брата Говарда – человека более легкомысленного и менее надежного? Года два или три назад тот женился на молодой особе с весьма сомнительным прошлым и, насколько я слышала, из-за этого был отвергнут семьей.

Кто бы из братьев это ни был, со своей спутницей он обошелся весьма невнимательно. С этой мыслью я заснула – как раз когда часы пробили половину первого.

Утром, как только приличия позволили мне показаться у окна, я внимательно осмотрела соседний дом. Ни одна штора не была поднята, ни одна ставня не открылась. Встаю я рано, так что сперва это меня не встревожило. Но после завтрака я снова посмотрела на глухой фасад рядом с моим домом и, не обнаружив ни малейших признаков жизни, начала беспокоиться.

До полудня я, впрочем, ничего не предпринимала. Затем вышла в сад за домом и увидела, что задние окна Ван-Бернамов закрыты ставнями так же плотно, как и передние. Теперь я встревожилась всерьез. Увидев на улице полицейского, я остановила его, рассказала о своих подозрениях и уговорила позвонить в соседний дом.

На звонок никто не ответил.

– Здесь никого нет, – сказал он.

– Позвоните еще раз! – попросила я.

Он позвонил снова, с тем же успехом.

– Разве не видите, что дом закрыт? – проворчал полицейский. – Нам велели за ним присматривать, а отменять присмотр пока не велели.

– Внутри молодая женщина, – настаивала я. – Чем больше я думаю о том, что случилось прошлой ночью, тем тверже убеждаюсь: надо разобраться.

Он пожал плечами и уже собирался уйти, когда мы оба заметили женщину простого вида, которая стояла перед домом и смотрела на нас. В руке у нее был узел. Несмотря на

неестественно яркий румянец, лицо ее выражало испуг. Это особенно бросалось в глаза: обычно такие лица кажутся совершенно безучастными.

Женщина была мне немного знакома: прежде я видела ее в этом доме или возле него. Не пытаясь сдержать волнение, я сбежала с крыльца на тротуар и обратилась к ней.

– Кто вы? Вы работаете у Ван-Бернамов? И знаете ли вы, что за дама приехала сюда прошлой ночью?

Бедняжка резко отпрянула – то ли я застала ее врасплох, то ли заговорила несколько резче, чем следовало. Только близость полицейского удержала ее от бегства. Она осталась на месте, но и без того яркий румянец разгорелся еще сильнее: щеки и лоб стали пунцовыми.

– Я тут полы мою, – заявила она. – Пришла окна открыть, дом проветрить.

На мой последний вопрос она не ответила.

– Хозяева возвращаются? – спросил полицейский.

– Не знаю. Наверно, – неуверенно отозвалась она.

– Ключи у вас? – спросила я, заметив, что она шарит в кармане.

Женщина промолчала. Тревога на ее лице сменилась хитростью; она отвернулась.

– Не пойму, соседям-то какое дело, – пробормотала она, недовольно оглянувшись на меня через плечо.

– Если ключи у вас, мы войдем и проверим, все ли в порядке, – сказал полицейский, слегка коснувшись ее, чтобы

остановить.

Она дрожала. Я это заметила и, естественно, заволновалась. В особняке Ван-Бернамов что-то было неладно, и мне предстояло присутствовать при открытии тайны. Однако следующие ее слова положили конец моим надеждам.

– Против того, чтобы *вы* вошли, я ничего не имею, – сказала она полицейскому. – Но *ей* ключей не дам. Какое она вообще имеет право ходить по нашему дому?

Кажется, затем она пробормотала что-то о старой деве, которая сует нос в чужие дела.

Взгляд полицейского убедил меня, что я не ослышалась.

– Она права, – объявил он и, весьма непочтительно протиснувшись мимо меня, направился к двери в полуподвал. Вскоре он и эта так называемая уборщица скрылись внутри.

Я осталась перед домом. Считала это своим долгом. Прохожие на миг останавливались, разглядывали меня и шли дальше, но я не покидала поста. Вернуться к себе и заняться домашними делами я могла бы с чистой совестью лишь после того, как узнала бы, что молодая женщина, вошедшая в эту дверь в полночь, жива и здорова, а окна не открывает исключительно из той лени, что принята в модном обществе. Но чтобы оставаться на посту, нужны были терпение и некоторое мужество.

Прошло несколько минут, прежде чем на третьем этаже открылись ставни. Еще позже распахнулось окно второго этажа, и полицейский выглянул наружу. Встретив мой во-

просительный взгляд, он тут же исчез.

Между тем рядом со мной задержались трое или четверо прохожих – начало толпы, которая наверняка скоро собралась бы. Я уже думала, что слишком дорого расплачиваюсь за свое добродетельное решение, как вдруг парадная дверь резко распахнулась. На пороге показалась уборщица – дрожащая, с искаженным от ужаса лицом.

– Она мертвая! – закричала женщина. – Мертвая! Убийство!

Она сказала бы и больше, но полицейский втянул ее обратно с рычанием, весьма похожим на сдавленное ругательство.

Он захлопнул бы дверь у меня перед носом, не окажись я проворнее молнии. Я успела проскользнуть внутрь – и к счастью: уборщица, которая бледнела с каждой секундой, в этот самый миг рухнула у входа. Полицейский – уж кого-кого, а его я не пожелала бы видеть рядом с собой в беде – явно растерялся перед новым затруднением и позволил мне приподнять бедняжку и оттащить подальше в холл.

Она упала в обморок, и ей требовалась помощь. Я всегда рада помочь тому, кто в этом нуждается, однако, едва дотащив женщину до двери гостиной, увидела нечто настолько ужасное, что невольно выпустила бедняжку из рук на пол.

В темном углу лежала женщина, придавленная упавшим предметом мебели. Комнату освещал лишь свет из дверного проема, где я стояла. Видны были только юбки и раскинутые

руки, но по застывшим очертаниям тела сразу становилось ясно: женщина мертва.

При виде этой страшной картины, которой я, несмотря на все свои опасения, никак не ожидала, мне сделалось дурно. Еще мгновение – и я тоже могла бы лишиться чувств. Но я вовремя сообразила, что не могу позволить себе потерять голову рядом с мужчиной, который сам плохо соображает. Поэтому я поборола минутную слабость и резко обратилась к полицейскому, не знавшему, что делать: заняться ли женщиной без сознания в холле или мертвой в гостиной.

– Ну же, за дело! Та женщина мертва, а эта жива. Принесите снизу кувшин воды, если найдете, а потом ступайте за подмогой, какая вам нужна. Я останусь и приведу ее в чувство. Она крепкая, это недолго.

– Вы останетесь здесь одна с этим телом… – начал он.

Но я остановила его презрительным взглядом.

– Конечно останусь. Почему бы и нет? Чего бояться мертвых? Избавьте меня от живых, а с мертвыми я уж как-нибудь справлюсь.

Однако теперь он смотрел на меня с явным подозрением.

– Сами идите за водой, – заявил он. – И вот что: крикните, пусть кто-нибудь позвонит в полицейское управление, вызовет коронера[2] и сыщика. Пока один из них не придет, я из этой комнаты ни ногой.

Я улыбнулась этой столь несвоевременной осторожности. Но у меня есть неизменное правило: никогда не спорить с

мужчиной, если не вижу возможности одержать верх. Поэтому я исполнила приказание, хотя мне ужасно не хотелось покидать это место и его скорбную тайну даже на те несколько минут, которые для этого требовались.

– Поднимитесь на второй этаж! – окликнул меня полицейский, когда я проходила мимо лежавшей уборщицы. – Скажите из окна, что нужно, а то сюда набьется вся улица.

Я побежала наверх. Мне всегда хотелось побывать в этом доме, но сестры Ван-Бернам никогда не поощряли такого желания. Дверь в комнату, выходившую окнами на улицу, стояла настежь. Я вошла, поспешила к окну и окликнула толпу, которая к этому времени заполнила уже и часть мостовой.

– Полицейского! – крикнула я. – Позовите полицейского! Здесь несчастный случай. Полицейский просит прислать из управления коронера и сыщика.

– Кто пострадал? Мужчина? Женщина? – закричали снизу.

– Впустите нас! – требовали другие.

Но тут я увидела, как мальчишка побежал навстречу приближавшемуся полицейскому. Убедившись, что помощь скоро придет, я отступила от окна и огляделась: теперь нужна была вода.

Я находилась в женской спальне, вероятно принадлежавшей старшей из сестер Ван-Бернам. Несколько месяцев здесь никто не жил, и, разумеется, под рукой не оказалось как раз того, что могло бы сейчас пригодиться: ни *одеколона* на туалетном столике, ни камфоры на каминной полке.

Зато в кране была вода, на что я почти не надеялась, а на умывальнике стояла кружка. Я наполнила ее и поспешила к двери, но споткнулась о какой-то маленький предмет. Оказалось – круглая подушечка для булавок. Терпеть не могу беспорядка: я подняла ее, положила на стоявший рядом столик и пошла дальше.

Женщина все еще лежала у подножия лестницы. Я плеснула ей в лицо водой, и она тотчас очнулась.

Она села и уже собиралась что-то сказать, но сдержалась. Это показалось мне странным, хотя я ничем не выдала удивления.

Тем временем я украдкой заглянула в гостиную. Полицейский стоял там, где я его оставила, и смотрел на лежавшую перед ним женщину.

Ни одно чувство не отражалось на его тяжелом лице. Он не открыл ни одной ставни и, насколько я могла судить, ничего в комнате не тронул.

Загадочность всего происходящего неудержимо влекла меня. Оставив окончательно пришедшую в себя уборщицу в холле, я вошла в гостиную и успела дойти до середины комнаты, когда меня остановил ее пронзительный крик:

– Не уходите! Я сроду такого ужаса не видала. Бедняжка! Бедняжка! Почему он не уберет с нее все это?

Она говорила не только об упавшем на женщину предмете мебели, похожем на шкаф с дверцами внизу и открытыми полками наверху, но и о всевозможных *безделушках*, которые свалились с этих полок и теперь лежали вокруг разбитые.

– Уберет. Скоро все уберут, – ответила я. – Он ждет того, у кого больше полномочий, – коронера, если вы понимаете, о ком речь.

– А вдруг она живая? Ее же совсем раздавит! Давайте снимем. Я помогу. Сил у меня хватит.

– Вы знаете эту женщину? – спросила я: в ее голосе слы-

шалось больше чувства, чем, по-моему, можно было ожидать даже при таких ужасных обстоятельствах.

– Я? – переспросила она, пытаясь выдержать мой пристальный взгляд; веки ее на миг дрогнули. – Откуда мне знать? Я с полицейским вошла и ближе, чем сейчас, к ней не подходила. С чего вы взяли, что я про нее что-то знаю? Я только полы мою, я даже не знаю, как хозяев зовут.

– Мне показалось, вы очень за нее тревожитесь, – объяснила я.

Но меня уже насторожила ее недоверчивость: столько было в ней хитрости и нарочитости, что страх в облике этой женщины мгновенно уступил место лукавству.

– Да кто ж не пожалеет бедную душу, что лежит под грудой битой посуды!

Посуды! Японские вазы стоимостью в сотни долларов! Часы из золоченой бронзы и дрезденские статуэтки, которым, должно быть, больше двухсот лет!

– Хорошо же он свой долг понимает: стоит как немой да глазеет! А сам бы только рукой шевельнул – и мы бы увидели ее милое личико, узнали бы, жива она или нет.

Это возмущение было вполне естественно и с точки зрения человечности не лишено оснований. Я одобрительно кивнула женщине и пожалела, что сама не мужчина: тогда я могла бы поднять тяжелый шкаф – или что там придавило лежавшую перед нами несчастную. Но мужчиной я не была, а раздражать единственного присутствовавшего представи-

теля этого пола считала неразумным. Поэтому я промолчала и лишь прошла немного дальше в комнату. Уборщица, как впоследствии выяснилось, последовала за мной.

Гостиные Ван-Бернамов разделены открытой аркой. Мертвая женщина лежала справа от этой арки, в углу напротив двери из холла. Глаза мои уже несколько привыкли к полумраку, и я заметила две-три подробности, прежде ускользнувшие от моего внимания. Женщина лежала на спине, ногами к двери в холл. Нигде, кроме того места, где она находилась, не было ни следов борьбы, ни беспорядка.

Все стояло чинно и аккуратно, как в моей собственной гостиной, когда ее долго не тревожат гости. Дальние комнаты я видела плохо, но, насколько можно было судить, и там царил такой же порядок.

Тем временем уборщица пыталась объяснить, как опрокинулся шкаф.

– Бедняжка, бедняжка! Должно, сама на себя его и свалила! Только как же она в дом-то попала? И что ей было делать в таком огромном пустом доме?

Полицейский, к которому, по-видимому, относились эти вопросы, проворчал что-то невнятное. В недоумении женщина повернулась ко мне.

Но что я могла ей сказать? Кое-что мне было известно, однако доверяться ей я не собиралась, поэтому лишь невозмутимо покачала головой. Потерпев неудачу с нами обоими, бедняжка отступила, бросив сперва на полицейского, потом

на меня странный, почти умоляющий взгляд, смысла которого я не поняла. Затем она снова посмотрела на девушку у своих ног. Теперь уборщица стояла ближе и, видимо, заметила нечто поразившее ее: тихо вскрикнув, она опустилась на колени и принялась разглядывать юбки девушки.

– Что вы там высматриваете? – проворчал полицейский. – Встаньте, кому говорят! Здесь никто, кроме коронера, не имеет права ничего трогать.

– Да я ничего худого не делаю, – возразила женщина странным, дрожащим голосом. – Только хотела посмотреть, во что бедняжка одета. Синяя какая-то ткань, верно? – спросила она меня.

– Синяя саржа, – ответила я. – Платье куплено в магазине, а не сшито на заказ, но очень хорошего качества. Должно быть, от «Альтмана» или «Стерна»[3].

– Я… я к такому не привыкла, – пробормотала уборщица, неловко поднимаясь на ноги. Вид у нее был такой, словно она растеряла последние крохи здравого смысла. – Я… мне, пожалуй, домой надо.

Но с места она не сдвинулась.

– Молоденькая ведь бедняжка, правда? – осторожно завела она чуть погодя. Голос ее странно сорвался, отчего вопрос прозвучал неуверенно, почти с сомнением.

– Думаю, моложе и вас, и меня, – снизошла я до ответа. – По узким остроносым туфлям видно: до благоразумного возраста она еще не доросла.

– Да-да, точно! – подхватила уборщица с горячностью, слишком уж большой для простодушного согласия. – Потому я и говорю «бедняжка», и про личико ее милое сказала. Мне молодых жалко, когда с ними беда стрясется. А вам разве нет? Вот мы бы с вами тут лежали – кому от этого хуже? А такая милая барышня…

Это было для меня не слишком лестно. Однако отчитать ее я не успела: с крыльца донесся протяжный крик, кто-то рванулся к парадной двери, и вслед за этим пронзительно зазвонил звонок.

– Из управления, – невозмутимо объявил полицейский. – Откройте дверь, сударыня. Или отойдите подальше в холл, если хотите, чтобы я открыл.

Подобная грубость была совершенно излишней. Но я считала себя слишком важной свидетельницей, чтобы показывать обиду, а потому проглотила возмущение и со всем присущим мне достоинством направилась к парадной двери.

Глава II. Вопросы

Я подошла к двери. Снаружи гудела толпа: едва люди поняли, что сейчас откроют, как все подались вперед. После тишины запертого дома шум казался особенно громким, однако я все же заметила одну подробность. Уходя прошлой ночью, молодой человек не запер дверь на ключ. Она держалась только на защелке.

Я повернула ручку и открыла. Передо мной оказалась орава кричащих мальчишек, а на крыльце стояли двое господ, ожидавших, когда их впустят. На мальчишек я нахмурилась, господам улыбнулась. Один был полный, с виду добродушный, другой худощавый и несколько суровый.

Но оказанную им честь господа почему-то не оценили. Оба бросили на меня такой недовольный и неприязненный взгляд, что я слегка вскинула голову, хотя вскоре снова приняла обычный вид. Неужели с первого взгляда догадались, что в ближайшие дни я стану помехой для каждого, кто имеет отношение к этому делу?

– Это вы кричали из окна? – спросил тот, что был полнее. Зачем именно он сюда пришел, я поначалу понять не могла.

– Я, – ответила я с полным самообладанием. – Живу по соседству. Я всегда забочусь о своих соседях, вот и оказалась здесь. У меня были основания думать, что в этом доме что-то неладно, и я оказалась права. Загляните в гостиную, господа.

Они уже стояли на пороге гостиной, так что уговаривать их войти не пришлось. Полный господин вошел первым, худощавый за ним, а уж я, можете не сомневаться, от них не отстала. Вы знаете, какое страшное зрелище нас ожидало. Но эти двое, видимо, привыкли и к такому: они почти не выказали волнения.

– Я думал, этот дом пустует, – заметил второй господин, по всей видимости врач.

– До прошлой ночи так и было, – вставила я и уже собиралась рассказать обо всем, как вдруг кто-то дернул меня за юбку.

Я обернулась. Это стоявшая рядом уборщица пыталась меня предостеречь.

– Что вам нужно? – спросила я. Я не понимала ее, да и скрывать мне было нечего.

– Мне? – испуганно пробормотала она. – Ничего, сударыня, ничего.

– Тогда не перебивайте, – резко одернула я ее. Мне было досадно: такое вмешательство могло заставить усомниться в моей откровенности. – Эта женщина пришла мыть и убирать дом, – пояснила я господам. – Мы смогли войти благодаря ключу, который был у нее. Впервые я заговорила с ней полчаса назад.

Тут она проявила такую изворотливость, какой я никак не ожидала от женщины подобного вида. Мгновенно найдя другой повод для волнения, уборщица указала на погибшую и порывисто воскликнула:

– А бедняжка-то! Вы так и не уберете с нее все это? Грех оставлять ее под такой тяжестью. А вдруг она еще живая!

– Увы, на это надежды нет, – пробормотал врач, приподняв руку погибшей и снова выпустив ее.

– Впрочем… – Он покосился на спутника, и тот многозначительно кивнул. – Стоило бы приподнять шкаф, чтобы я мог проверить, бьется ли у нее сердце.

Они так и сделали. Врач наклонился и положил ладонь на ушибленную грудь несчастной.

– Мертва, – тихо сказал он. – Уже несколько часов. Как вы думаете, стоит освободить голову? – спросил он, взглянув на стоявшего рядом полного господина.

Но тот, на глазах становясь серьезнее, слегка повел пальцем в знак возражения, затем повернулся ко мне и неожиданно властно спросил:

– Что вы имели в виду, когда сказали, что до прошлой ночи дом пустовал?

– Именно то, что сказала, сударь. Дом пустовал примерно до полуночи, когда двое…

Кто-то снова потянул меня за платье, на этот раз очень осторожно. Чего добивалась эта женщина? Я даже взглянуть на нее не решилась: господа и без того были готовы усмотреть дурное в каждом моем поступке. Я осторожно высвободила юбку, шагнула в сторону и продолжила как ни в чем не бывало:

– Я сказала «двое»? Следовало уточнить: мужчина и женщина. Они подъехали к дому и вошли. Я видела их из своего окна.

– Видели? – негромко переспросил мой собеседник. К этому времени я уже решила, что он сыщик. – И эта женщина, надо полагать, та самая? – Он указал на лежавшую перед нами несчастную.

– Ну конечно. Кто же еще? Вчера я не видела ее лица, но она была молода, легко двигалась и весело взбежала на крыльцо.

– А мужчина? Где он? Здесь я его не вижу.

– Меня это не удивляет. Он ушел почти сразу после приезда, думаю, и десяти минут не прошло. Это меня и встрево-

жило, поэтому я настояла, чтобы дом проверили. Оставить женщину одну на ночь в таком большом доме – странный поступок, совсем не похожий на Ван-Бернамов.

– Вы знакомы с Ван-Бернамами? – спросил сыщик.

– Поверхностно, – ответила я. – Но это неважно. Я знаю их репутацию: они джентльмены.

– Но мистер Ван-Бернам в Европе, – заметил он.

– У него двое сыновей.

– Они живут здесь?

– Нет, – пояснила я. – Неженатый ночует в Лонг-Бранче, а другой сейчас с женой где-то в Коннектикуте.

– Как же эта молодая пара попала вчера в дом? Кто-нибудь им открыл? – спросил сыщик.

– Нет, у господина был ключ.

– Ага, у него был ключ, – повторил сыщик.

Позже я вспоминала, каким тоном это было сказано. Но в ту минуту меня куда больше поразил странный звук за спиной, что-то среднее между судорожным вдохом и щелчком в горле. Я знала: звук издала уборщица. Как ни странно, мне послышалось в нем удовлетворение. Чем могли порадовать бедняжку мои слова, я даже представить не могла.

Я встала так, чтобы видеть ее лицо, и продолжила с присущим мне суровым самообладанием:

– А выйдя из дома, он быстро ушел. Экипаж его не ждал.

– Ага, – снова пробормотал господин, поднимая с пола один из разбросанных фарфоровых осколков.

Я же вглядывалась в лицо уборщицы. К моему изумлению, на нем сменялись чувства, которых я совершенно не могла объяснить.

Возможно, мистер Грайс тоже это заметил: он тотчас обратился к ней, хотя продолжал смотреть на осколок у себя в руке.

– А вы как оказались здесь на уборке? – спросил он. – Хозяева возвращаются?

– Возвращаются, сударь, – ответила она. Заметив, что внимание обращено на нее, женщина ловко скрыла свое волнение и вдруг заговорила так бойко, что мы все уставились на нее. – Их со дня на день ждут. Я только вчера узнала… Вчера ли? Нет, позавчера. Молодой мистер Франклин, это старший сын, сударь, очень хороший человек, *очень* хороший, прислал письмо: велел дом приготовить. Я уж не в первый раз для них убираю, сударь. Как только получила у управляющего ключ от полуподвала, так сразу пришла и весь вчерашний день работала, полы мыла, пыль вытирала. Я бы и сегодня с утра продолжила, да муж заболел. Пришлось идти в лечебницу за лекарством. Вот и добралась только к полудню, а тут эта дама с полицейским стоят. Очень хорошая дама, сударь, очень *хорошая*, мое ей почтение.

И она в самом деле присела передо мной в реверансе, словно крестьянка на театральной сцене.

– Ну, они у меня ключ забрали, полицейский дверь открыл, мы с ним наверх пошли, по всем комнатам, а когда в

эту зашли…

От волнения ее речь становилась все невнятнее. Она резко осеклась и принялась нервно теребить передник. А я тем временем недоумевала: как могла эта женщина вчера целый день работать в доме без моего ведома? Тут я вспомнила, что утром была нездорова, а после полудня занималась делами в сиротском приюте. Такое прекрасное оправдание моей неосведомленности принесло мне некоторое облегчение. Я подняла глаза: заметил ли сыщик что-нибудь странное в поведении уборщицы?

Надо полагать, заметил. Но он лучше меня знал, как впечатлительны бывают необразованные люди перед лицом опасности и горя, и придавал этому меньше значения. Втайне меня это радовало, хотя я и сама не совсем понимала почему.

– Вам придется дать показания перед присяжными на разбирательстве у коронера, – сказал он уборщице, но смотрел при этом на осколок, который вертел в руке, словно разговаривал именно с ним. – Ну, без глупостей! – оборвал он женщину, когда та задрожала и принялась умолять его. – Вы первой увидели погибшую и должны будете это подтвердить. Я пока не могу сказать, когда состоится разбирательство. Лучше оставайтесь здесь до прихода коронера. Он скоро будет. Вы и эта другая женщина тоже.

Это *меня*, мисс Баттерворт, он назвал «другой женщиной». Мои предки жили в Америке еще в колониальные вре-

мена, а сама я занимаю заметное положение в обществе. Мне было неприятно, что он так небрежно поставил меня в один ряд с бедной уборщицей, однако я старательно скрыла неудовольствие. Я рассудила: как свидетельницы мы равны перед законом, и именно так он нас сейчас и рассматривает.

В поведении обоих господ чувствовалось: в доме меня хотели бы оставить, но вот в этой комнате мое присутствие было не слишком желательно. Я уже нехотя направилась к выходу, как вдруг кто-то легонько, но властно коснулся моей руки. Я обернулась: рядом стоял сыщик и все еще разглядывал свой осколок.

Как я уже говорила, он был полон и с виду добродушен. В его облике было что-то отеческое, и заподозрить в нем человека из полиции едва ли пришло бы кому-нибудь в голову. И все же он совершенно естественно распоряжался происходящим. Когда он обращался ко мне, я чувствовала себя обязанной отвечать.

– Не будете ли вы так любезны, сударыня, рассказать еще раз, что видели прошлой ночью из своего окна? Скорее всего, это дело поручат мне. Я был бы рад услышать все, что вы можете о нем сообщить.

– Моя фамилия Баттерворт, – вежливо дала я ему понять.

– А моя – Грайс.

– Вы сыщик?

– Именно.

– Должно быть, вы считаете это дело очень серьезным, – заметила я.

– Насильственная смерть – всегда дело серьезное.

– Я хотела сказать: вы, вероятно, видите здесь не просто несчастный случай.

Его улыбка словно говорила: «Сегодня вы не узнаете, что я об этом думаю».

«А вы сегодня не узнаете, что думаю я», – мысленно ответила я. Вслух же промолчала: ему было никак не меньше семидесяти пяти, а меня учили уважать старших, и я следовала этому правилу уже более пятидесяти лет.

Видимо, все было написано у меня на лице. А он, должно быть, разглядел мое отражение на блестящем фарфоре,

который продолжал рассматривать. На губах его мелькнула такая насмешливая улыбка, что я сразу поняла: он далеко не так простодушен, как можно решить по его виду.

– Ну-ну, – сказал он. – Вот и коронер. Расскажите все как есть. Вы ведь, судя по всему, женщина честная и прямодушная.

– Не люблю комплиментов, – отрезала я.

Они и в самом деле всегда были мне неприятны. Будто честность и прямодушие – какая-то редкая заслуга! Будто мне нужно, чтобы кто-то подтверждал наличие этих качеств!

– Я мисс Баттерворт и не привыкла, чтобы со мной разговаривали как с простой деревенской женщиной, – возразила я. – Но я повторю, что видела прошлой ночью. Это не тайна. Мне рассказ не повредит, а вам, возможно, поможет.

И я снова изложила всю историю, причем говорила куда больше, чем собиралась: так умело он располагал к откровенности и так точно задавал вопросы. Одного, однако, мы оба не коснулись – странного поведения уборщицы. Возможно, оно не показалось ему странным. Возможно, и мне не следовало так думать. Но, поскольку об этом мы умолчали, я решила, что получила перед ним преимущество, которое может привести к весьма важным последствиям.

Стала бы я так думать и поздравлять себя с мнимым превосходством, знай я, что передо мной сыщик, который вел дело Ливенвортов[1], тот самый, с кем в молодости случилось удивительное приключение на лестнице трактира «Сердеч-

ная отрада»[2]? Возможно, стала бы. Со мной приключений еще не случалось, но я чувствую, что и мне они по плечу. А что до особой проницательности, которую он, быть может, проявил за свою долгую и богатую событиями службу, то ведь этим качеством могут обладать и другие. Надеюсь доказать это, прежде чем закончу свой рассказ.

Глава III. Амелия находит свое призвание

В дальнем конце особняка Ван-Бернамов есть небольшая комната. Там я и укрылась после разговора с мистером Грайсом. Выбрав самое удобное кресло, я устроилась в нем, чтобы спокойно поразмыслить, и с удивлением поняла, какое удовольствие доставляет мне все происходящее. А ведь по другую сторону общей стены меня ждали тысяча и одно дело!

Даже уединению я была рада: наконец-то можно было все обдумать. До этого самого часа я и не подозревала за собой особых дарований. Мой отец, человек проницательный, из старой новоанглийской породы, любил повторять, что Араминта еще заявит о себе. Предсказаний было больше, чем прожитых мною лет. Впрочем, не думайте, что их было так уж много.

При крещении меня назвали Араминтой; под этим именем я и значусь в семейных записях нашей Библии [1]. Но подписываюсь я Амелией и требую, чтобы меня так и называли. Я, надеюсь, женщина здравомыслящая, а не сентиментальная барышня из старинного романа, какую можно вообразить при имени Араминта.

Так вот, отец предсказывал мне заметное будущее, однако в какой именно области, не уточнял. Как я уже сказала, он

был человеком проницательным и не любил связывать себя необдуманными заявлениями.

Теперь я знаю, что он был прав. Впервые я поверила в свои особые способности в тот миг, когда поняла: это дело, сперва казавшееся таким простым, а затем столь запутанным, пробудило во мне жажду расследования, с которой никакие доводы справиться не могли. У меня были и другие заботы, куда более личные, но мысли упорно возвращались к подробностям трагедии. Мне казалось, я заметила несколько обстоятельств, из которых можно сделать выводы. Поэтому я для собственного удовольствия записала их на обороте бакалейного счета, случайно оказавшегося у меня в кармане: с суммой в нем я была не согласна.

Объяснить трагедию эти записи не могли: слишком скудны были сведения, на которые я опиралась. И все же они, пожалуй, представляют интерес, показывая, как работала моя мысль уже в самом начале. Я разделила их на три пункта.

Первое: погибла ли молодая женщина от несчастного случая?

Второе: было ли это самоубийство?

Третье: было ли это убийство?

Под первым пунктом я написала:

Почему я не считаю это несчастным случаем.

1. Если бы женщина случайно опрокинула на себя шкаф, ее нашли бы ногами к той стене, у которой он стоял.

(Между тем ноги были обращены к двери, а голова нахо-

дилась под шкафом.)

2. Одежда у ее ног лежала пристойно, даже аккуратно, что исключает предположение о несчастном случае.

Под вторым:

Почему я не считаю это самоубийством.

Чтобы оказаться в таком положении, ей пришлось бы еще живой лечь на пол, а затем повалить на себя шкаф.

(Предположение слишком неправдоподобное, чтобы его рассматривать.)

Под третьим:

Почему я сомневаюсь, что это убийство.

Пока шкаф опрокидывали, женщину пришлось бы удерживать на полу. Но судя по спокойному положению рук и ног, это едва ли возможно.

К этому я добавила:

Доводы в пользу убийства.

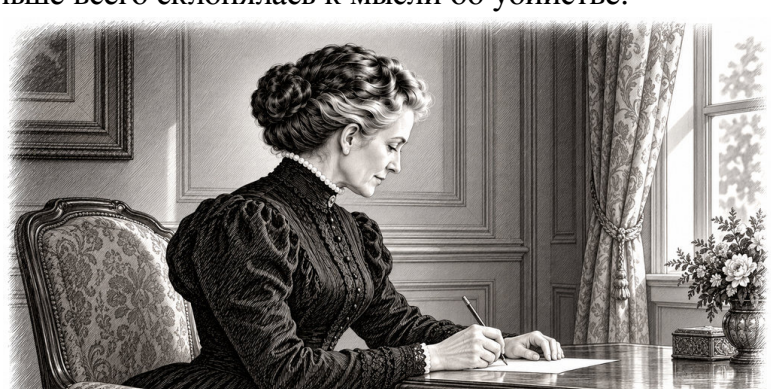
1. Она вошла в дом не одна. С ней был мужчина. Он пробыл внутри десять минут, затем вышел и удалился по улице, по всем признакам торопясь и стремясь поскорее покинуть это место.

2. Парадную дверь он отпер ключом, но, уходя, не запер ее: она лишь захлопнулась на защелку. Вернуться было бы легко, однако такого намерения он не выказал.

3. Судя по тому, как лежат юбки, после смерти их поправила заботливая рука.

Как видите, ясности никакой. Я сомневалась во всем, но

больше всего склонялась к мысли об убийстве.

Я успела поесть еще до того, как вмешалась в это дело, и мне повезло: к коронеру меня позвали лишь в три часа дня, хотя о его приезде я узнала гораздо раньше.

Он находился в передней гостиной, где лежала погибшая. По дороге туда я снова ощутила дурноту, едва не одолевшую меня в прошлый раз. Но я справилась с собой и переступила порог уже вполне спокойно.

В комнате было несколько господ, однако я обратила внимание лишь на двоих. Одного я приняла за коронера, а второй оказался моим недавним собеседником, мистером Грайсом. По его оживлению я заключила, что с точки зрения сыщика дело становится все интереснее.

– А, вот и свидетельница? – спросил коронер, когда я вошла.

– Я мисс Баттерворт, – невозмутимо ответила я. – Амелия Баттерворт. Живу по соседству и присутствовала при обнаружении тела этой бедной убитой женщины.

– Убитой? – переспросил он. – Почему вы говорите «убитой»?

Вместо ответа я вынула из кармана счет, на котором набросала свои соображения.

– Прочтите, – сказала я.

Явно удивленный, он взял листок, несколько раз с любопытством посмотрел на меня и наконец снизошел до моей просьбы. Прочитав, он взглянул на меня со странным, словно невольным восхищением и тут же передал бумагу сыщику.

Вместо обломка фарфора мистер Грайс теперь держал изрядно потертый карандаш со следами зубов. Он с забавной укоризной нахмурился на карандаш, убрал его в карман и прочел мои торопливые каракули.

– На поле боя два Ричмонда![2] – лукаво усмехнулся коронер. – Боюсь, перед их объединенными силами мне придется уступить. Мисс Баттерворт, сейчас поднимут шкаф. Вы выдержите это зрелище?

– Ради правосудия я выдержу все, – ответила я.

– В таком случае присядьте, пожалуйста. Когда тело будет полностью видно, я вас позову.

Он шагнул вперед и велел убрать часы и осколки фарфора, лежавшие возле тела.

Когда часы поставили на край каминной полки, кто-то заметил:

– Каким ценным свидетелем они могли бы стать, если бы шли в тот момент, когда упал шкаф!

Но было настолько очевидно, что часы не ходили уже несколько месяцев, что никто даже не ответил. Мистер Грайс и не взглянул в их сторону. Впрочем, все мы уже видели: стрелки показывали без трех минут пять.

Меня попросили сесть, но усидеть я не могла. Стоя рядом с сыщиком, я смотрела, как тяжелый шкаф поднимают к стене и как постепенно открывается верхняя часть тела, так долго скрытая под ним.

То, что я не упала в обморок, доказывает: отцовское предсказание имело под собой основания. От такого зрелища дрогнули бы самые крепкие нервы и смягчилось бы самое черствое сердце.

Поймав мой взгляд, коронер вопросительно указал на несчастную.

– Это та женщина, которую вы видели здесь прошлой ночью?

Я посмотрела на платье, отметила короткую летнюю накидку с затейливым бантом из ленты у шеи и кивнула.

– Я помню эту накидку, – сказала я. – А где шляпа? На ней была шляпа. Попробую ее описать.

Закрыв глаза, я попыталась вспомнить смутный силуэт женщины, когда та протягивала извозчику мелочь. И довольно удачно: уже через мгновение я могла сказать, что шляпа походила на мягкую фетровую, а сбоку тульи торчало то ли перо, то ли бант из ленты.

– Значит, установлено, что перед нами та самая женщина, которую вы видели входящей в дом, – заметил сыщик.

Он наклонился и вытащил из-под тела шляпу. Она была достаточно похожа на описанную мной, чтобы все убедились: это и есть та самая.

– Как будто тут могли быть сомнения… – начала я.

Но коронер объяснил, что это всего лишь формальность, и жестом попросил меня отойти: врач явно хотел подступить ближе к телу. Я уже собиралась уступить ему место, как вдруг мне пришла в голову новая мысль, и я протянула руку к шляпе.

– Позвольте взглянуть на минуту, – попросила я.

Мистер Грайс сразу передал ее мне. Я внимательно осмотрела шляпу снаружи и изнутри.

– Она сильно помята, – заметила я, – и вид у нее далеко не свежий. Но тем не менее ее надевали всего один раз.

– Откуда вы знаете? – спросил коронер.

– Пусть вам объяснит второй Ричмонд, – сухо ответила я, возвращая шляпу сыщику.

Вокруг меня послышался ропот. Смеются они или недовольны, я выяснять не стала. Я сама кое-что обнаружила, и

до их мнения мне не было дела.

– И платье на ней тоже совсем недавно, – продолжала я. – А вот о ботинках этого не скажешь. Они не старые, но с мостовой уже знакомы, чего не скажешь о подоле. Перчаток на руках нет. Стало быть, до нападения прошло несколько минут: она успела их снять.

– А вы наблюдательны! – шепнул мне на ухо мистер Грайс. В его голосе слышались и восхищение, и насмешка. – Но вы уверены, что перчатки вообще были? Вы видели их на ней, когда она входила в дом?

– Нет, – откровенно ответила я. – Но столь хорошо одетая женщина не вошла бы в такой дом без перчаток.

– Ночь была теплая, – заметил кто-то.

– Все равно. Вы найдете ее перчатки, как нашли шляпу. И пальцы у них будут вывернуты наизнанку: так она их стянула. Вот и вся уступка, которую я готова сделать теплой погоде.

– Например, такие? – перебил меня спокойный голос.

У меня над плечом появилась рука с парой перчаток. Я вздрогнула и воскликнула – признаюсь, несколько торжествующе:

– Да, да, именно такие! Вы подобрали их здесь? Это ее перчатки?

– По вашим словам, ее перчатки должны выглядеть именно так, – ответил мистер Грайс.

– Да, я в этом уверена, – ответила я.

– Тогда позвольте вас поздравить. Их нашли здесь.

– Но где? – воскликнула я. – Мне казалось, я внимательно осмотрела весь ковер.

Он улыбнулся – не мне, а перчаткам. И мне пришло в голову, что, по его мнению, наизнанку вывернули не только их. Я поджала губы и решила впредь быть осторожнее.

– Это несущественно, – заверила я его. – Все подобные подробности выяснятся на дознании.

Мистер Грайс кивнул и убрал перчатки в карман. Вместе с ними он словно припрятал часть своего добродушия и терпения.

– Все это мы уже выяснили до вашего прихода, – сказал он. Впрочем, прошу считать это утверждение сомнительным.

Врач, все это время почти неподвижно стоявший на коленях у головы погибшей, поднялся.

– Мне понадобится еще один врач, – сказал он. – Коронер Даль, не пошлете ли вы за кем-нибудь из вашего ведомства?

Я отступила, коронер шагнул вперед, но, проходя мимо, успел сказать мне:

– Дознание состоится послезавтра у меня в кабинете. Будьте готовы явиться. Я считаю вас одной из главных свидетельниц.

Я заверила его, что непременно приду, и по его знаку вышла из комнаты. Однако из дома пока не ушла. В передней, облокотившись на столб лестничных перил, стоял худоща-

вый человек с прямой осанкой, очень маленькой головой и очень живыми глазами. Завидев меня, он выпрямился с такой готовностью, что я поняла: ему что-то от меня нужно. Я остановилась, ожидая, когда он заговорит.

– Вы мисс Баттерворт? – спросил он.

– Да, сэр.

– А я репортер «Нью-Йорк уорлд». Позволите ли вы…

Отчего он замолчал? Я всего лишь посмотрела на него. Но он замолчал, а для репортера «Нью-Йорк уорлд» это уже немало.

– Разумеется, я готова рассказать вам то же, что и остальным, – вступила я в разговор, решив, что с таким благоразумным молодым человеком лучше не ссориться.

Он заметно приободрился, и я поведала ему все, что сочла нужным сообщить широкой публике.

Я уже хотела идти дальше, но вспомнила, что за услугу следует платить услугой, и спросила, как он полагает, оставят ли погибшую в этом доме на ночь.

Он ответил, что едва ли. Некоторое время назад молодому мистеру Ван-Бернаму послали телеграмму, и теперь ждут лишь его приезда, чтобы увезти тело.

– Вы имеете в виду Говарда? – спросила я.

– Это старший? – уточнил репортер.

– Нет.

– Вызвали старшего, того, который гостил в Лонг-Бранче.

– Почему же его ждут так скоро?

– Потому что он уже в городе. Старый господин, как выяснилось, возвращается на пароходе «Нью-Йорк», который должны встретить сегодня. Вот Франклин Ван-Бернам и приехал в Нью-Йорк за отцом.

«Хм! – подумала я. – Теперь здесь будет оживленно». И тут я впервые вспомнила о своем обеде, о шторах, которые сегодня должны были повесить и насчет которых я не отдала распоряжений, да и обо всех прочих причинах поскорее вернуться домой.

Должно быть, мое лицо что-то выдало, хотя я и горжусь своим неизменным самообладанием. Репортер тотчас предложил мне руку и вызвался проводить сквозь толпу до моего дома. Я уже собиралась согласиться, когда дверной звонок прозвучал так резко, что мы невольно остановились.

– Новый свидетель или телеграмма коронеру, – шепнул мне репортер.

Я постаралась принять равнодушный вид и, несомненно, преуспела, потому что, лукаво взглянув на меня, он добавил:

– Вы не хотите больше задерживаться?

Я промолчала, но, полагаю, мое достоинство произвело на него впечатление. Разве он не понимал, что броситься вон, когда кто-то входит, было бы верхом невоспитанности?

Полицейский открыл дверь. Увидев, кто стоит на пороге, мы с репортером, я уверена, порадовались, что вняли требованиям вежливости. Это был молодой мистер Ван-Бернам, Франклин, – я имею в виду старшего и более почтенного из

двух сыновей.

Раскрасневшийся, взволнованный, он смотрел так, словно хотел уничтожить толпу, которая толкала его на собственном крыльце. Входя, он сердито оглянулся. Тут я заметила на другой стороне улицы экипаж, нагруженный багажом, и поняла, что в отцовский дом он вернулся не один.

– Что случилось? Что все это значит? – бросил он нам, когда дверь закрылась и он очутился перед полудюжиной незнакомцев, среди которых мы с репортером особенно выделялись.

Неожиданно откуда-то появился мистер Грайс и ответил:

– Печальное происшествие, сэр. Здесь нашли мертвую молодую женщину. Ее придавило одним из шкафов в вашей гостиной.

– Молодую женщину! – повторил он. (О, как я была рада, что меня приучили никогда не поступаться правилами вежливости!) – Здесь, в запертом доме? Какую молодую женщину? Вы хотите сказать, старуху? Уборщицу или кого-нибудь…

– Нет, мистер Ван-Бернам, мы говорим именно то, что имеем в виду. Впрочем, пожалуй, мне следовало сказать «молодую даму». Она одета весьма модно.

– Какого…

Право, я не могу перед всеми повторить слово, которое употребил мистер Ван-Бернам. Тогда я его простила, но увековечивать эту несдержанность в своем рассказе не намере-

на.

– Она до сих пор лежит там, где мы ее нашли, – продолжал мистер Грайс спокойно, почти по-отечески. – Не взглянете ли на нее? Возможно, вы скажете нам, кто она.

– Я? – Мистер Ван-Бернам, казалось, был потрясен. – Откуда мне ее знать! Наверное, какая-нибудь воровка. Полезла за чужим добром и погибла.

– Возможно, – коротко отозвался мистер Грайс.

Я так рассердилась – ведь это могло ввести моего красивого молодого соседа в заблуждение! – что не удержалась и сделала именно то, чего твердо решила не делать: вышла вперед и вмешалась в разговор.

– Как вы можете так говорить! – воскликнула я. – В полночь ее впустил сюда молодой человек, у которого был ключ. А потом оставил ее одну мучиться в этом огромном доме.

Мне и прежде случалось производить впечатление, но столь сильного я еще не производила. Все мгновенно уставились на меня – кроме сыщика. Он смотрел на фигурку, венчавшую столб лестничных перил, причем смотрел с крайним неодобрением. Впрочем, когда молодой человек шагнул ко мне и порывисто заговорил, взгляд мистера Грайса сразу стал настороженным.

– Кто это говорит? А, мисс Баттерворт. Сударыня, боюсь, я не вполне понял ваши слова.

Я повторила сказанное – на этот раз очень спокойно и отчетливо. Мистер Грайс тем временем продолжал хмурить-

ся на бронзовую фигурку, которую избрал своей наперсницей. Когда я закончила, лицо мистера Ван-Бернама изменилось. Манера держаться тоже. Он по-прежнему стоял прямо, но прежней самоуверенности поубавилось. Он все еще торопился и проявлял нетерпение, только и торопливость, и нетерпение стали другими. По уголкам рта мистера Грайса было видно, что он заметил перемену, хотя от лестничного столба так и не отвернулся.

– Вы сообщили мне нечто поразительное, – произнес мистер Ван-Бернам, впервые удостоив меня поклона. – Не знаю, что и думать. Но я по-прежнему уверен: это какая-то воровка. Погибла, вы говорите? Действительно мертва? Что ж, я отдал бы пятьсот долларов, лишь бы этого не случилось

в нашем доме.

Он уже двигался к двери гостиной и теперь вошел. Мистер Грайс тотчас оказался рядом с ним.

– Они собираются закрыть дверь? – шепнула я репортеру, который следил за происходящим с не меньшим вниманием, чем я.

– Боюсь, что да, – пробормотал он.

И дверь закрыли. Очевидно, мистеру Грайсу хватило моего вмешательства, и он решил меня отстранить. Но прежде чем тяжелая дверь захлопнулась, я успела услышать одну фразу и мельком увидеть лицо мистера Ван-Бернама. Он сказал: «О, она так изуродована! Как же теперь ее узнать…» Одного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять: он взволнован гораздо сильнее, чем хочет показать. И столь необычайное волнение с его стороны никак не вязалось с тем, что он в эту самую минуту говорил.

Глава IV. Сайлас Ван-Бернам

– Как бы я ни была нужна дома, чувство долга не позволяет мне сейчас уйти, – доверительно сказала я репортеру, стараясь говорить с подобающей рассудительностью и сдержанностью. – Возможно, мистер Ван-Бернам захочет меня о чем-нибудь спросить.

– Разумеется, разумеется, – согласился он. – Вы совершенно правы. Полагаю, вы всегда совершенно правы.

Не поняв, что он имеет в виду, я нахмурилась. В случае сомнений это всегда разумно – если, конечно, хочешь сохранить независимый вид и показать, что лесть тебе неприятна.

– Не хотите присесть? – предложил он. – В конце передней есть стул.

Но садиться мне не понадобилось. Снова раздался звонок. Едва открыли парадную дверь, распахнулась и дверь гостиной. Франклин Ван-Бернам вышел в переднюю как раз в ту минуту, когда в вестибюль шагнул его отец, мистер Сайлас Ван-Бернам.

– Отец! – с тревогой упрекнул его сын. – Неужели ты не мог подождать?

Старый господин, которого, очевидно, только что привезли с парохода, раздраженно вытер лоб. Должна заметить, подобное раздражение я видела у него и прежде, причем по куда менее серьезным поводам.

– Подождать? Когда эта орущая толпа кричит мне в уши об убийстве, Изабелла с одной стороны требует нюхательную соль, а Кэролайн напротив синеет вокруг рта? Ты знаешь, как мы боимся этого в такую жару! Нет уж, сэр, если что-то стряслось, я желаю знать, что именно. А здесь явно что-то стряслось. В чем дело? Опять Говард что-нибудь…

Но сын взял меня за руку, вывел вперед и тем оборвал отца:

– Мисс Баттерворт, отец! Наша ближайшая соседка, ты ведь ее знаешь.

– А! Хм! Да, мисс Баттерворт. Как поживаете, сударыня? Какого… она здесь делает? – проворчал он, причем достаточно громко, чтобы я расслышала и бранное слово, и этот далеко не лестный вопрос обо мне.

– Пойдем в гостиную, я тебе расскажу, – настойчиво предложил сын. – А куда ты дел Изабеллу и Кэролайн? Оставил в экипаже посреди этой орущей толпы?

– Я велел кучеру ехать дальше. Должно быть, они уже объехали полквартала.

– Тогда пойдем сюда. Только постарайся не принимать близко к сердцу то, что увидишь. Здесь произошел несчастный случай. Очень печальный. Будь готов: там кровь.

– Кровь! Это я выдержу, лишь бы Говард…

Остальное заглушила закрывшаяся дверь.

Теперь, скажете вы, мне следовало уйти. И будете правы. Но ушли бы вы сами? Тем более что передняя была полна

посторонних.

Если ушли бы, можете осудить меня за то, что я задержалась еще на несколько минут.

Из гостиной доносились громкие голоса, но вскоре они стихли. Когда хозяин дома снова вышел, он выглядел подавленным. Его вид так же мало напоминал прежнюю сердитую уверенность, как и выражение лица его сына после посещения гостиной. Он был настолько поглощен своими мыслями, что даже не заметил меня, хотя я стояла прямо у него на пути.

– Не пускай сюда Говарда, – говорил он сыну глухим, тихим голосом. – Удержи его подальше, пока мы не убедимся…

Уверена, в эту минуту сын сжал ему руку: старый господин осекся и растерянно огляделся, словно ничего вокруг не различал.

– А! – воскликнул он с явным неудовольствием. – Это та женщина, которая видела…

– Мисс Баттерворт, отец, – тревожно перебил сын. – Не старайся сейчас говорить. Такое зрелище кого угодно выведет из равновесия.

– Да, да, – шумно заговорил старый господин, очевидно уловив какой-то намек в голосе или поведении сына. – Но где девочки? Они умрут от страха, если мы их не успокоим. Им взбрело в голову, что пострадал их брат Говард. Мне тоже. А это всего лишь какая-то бродяжка, какая-то…

Похоже, закончить хоть одну фразу ему не собирались позволять. На этот раз Франклин перебил его вопросом: что делать с девушками? Привести их сюда, разумеется, нельзя.

– Нет, – ответил отец рассеянно и невпопад, словно мыслями был где-то далеко. – Полагаю, придется отвезти их в какую-нибудь гостиницу.

Ага, вот и мысль! Я вспыхнула, осознав представившуюся возможность, и выждала мгновение, чтобы не выдать голосом излишней готовности.

– Позвольте оказать вам соседскую услугу и приютить барышень на ночь, – предложила я. – Мой дом рядом, и там тихо.

– Но сколько это доставит вам хлопот! – возразил Франклин.

– Как раз они и помогут мне успокоиться после пережитого, – ответила я. – Я с радостью предоставлю им комнаты. Если они с такой же радостью примут мое приглашение…

– Пусть принимают! – объявил отец. – Не могу же я сегодня бегать с ними по гостиницам в поисках комнат. Мисс Баттерворт очень любезна. Франклин, разыщи девочек. Хоть эта забота пусть у меня отпадет.

Молодой человек поклонился. Я ответила поклоном и наконец отступила от лестницы, как вдруг в третий раз почувствовала, что меня дергают за платье.

– Так и будете стоять на своем? – прошептал мне на ухо чей-то голос. – Насчет мужчины с женщиной, которые ночью

пришли, знаете.

– Стоять на своем? – переспросила я шепотом. Я узнала уборщицу: та неведомо откуда подкралась ко мне в полумраке. – Но ведь это правда. С чего бы мне от своих слов отказываться?

Прижавшись ко мне, женщина тихонько затряслась от смешка – такого многозначительного, что и описать трудно.

– Ай да вы! – сказала она. – Не знала, что такие еще бывают!

Она снова хихикнула – с довольством и каким-то странным восхищением, которого я уж точно не заслужила, – и скользнула обратно в темноту.

Несомненно, в отношении этой женщины к происше-

ствию было что-то достойное внимания.

Глава V. «Я не знаю эту женщину»

Я встретила сестер Ван-Бернам ровно с той долей радушия, которая показывала: приглашая их к себе, я не руководствовалась никакими недостойными побуждениями.

Я отвела им гостевую спальню, но предложила посидеть в моей передней комнате, пока на улице происходит что-нибудь интересное. Я знала, что им захочется выглянуть наружу, а поскольку в этой комнате есть эркер с двумя окнами, места хватало всем. Сидя неподалеку, я время от времени слышала их разговор и считала это вполне справедливым. Если безвременно погибшая молодая женщина как-то связана с ними, уж лучше, чтобы это выяснилось. А одна из сестер, Изабелла, такая болтушка!

Мистер Ван-Бернам с сыном вернулись в соседний дом. Насколько мы могли судить со своего наблюдательного поста, там готовились увозить тело. Внизу волновалась и роптала толпа. Полицейские то разгоняли ее, то она собиралась снова, ожидая зрелища, которое все никак не начиналось. Сквозь этот шум до меня донеслись несколько коротких фраз Кэролайн.

– Говарда не могут найти, иначе он давно бы уже приехал. Ты видела ее тогда, когда мы выходили от Кларка? Фанни Престон видела. Говорит, хорошенькая.

– Нет, я даже не успела…

Продолжение заглушил уличный крик.

– Не могу поверить, – услышала я затем. – Но Франклин ужасно боится…

– Тише, а то людоедка…

Уверена, она сказала именно «людоедка». Дальнейшее потонуло в новом гуле. Следующие слова произнесла уже Кэролайн, дрожавшая от волнения:

– Если это она, папа никогда не оправится. Умереть в нашем доме! О, а вот и Говард!

Последнее восклицание прозвучало резко и неожиданно. Обе девушки вскрикнули и вскочили, тревожно зашуршав платьями: то ли хотели привлечь внимание брата, то ли пытались о чем-то его предостеречь.

Но за сестрами я почти не следила. Я смотрела на экипаж, в котором приехал Говард. Перед домом стояла карета для перевозки пострадавших, поэтому ему пришлось остановиться на другой стороне улицы. Мне не терпелось увидеть, как он выйдет: хотелось сравнить его фигуру с фигурой человека, которого я видела прошлой ночью. Однако он не вышел. Едва его рука коснулась дверцы, на соседнем крыльце появились полдюжины мужчин с ношей, которую поспешили уложить в ожидавшую карету. Увидев это, Говард откинулся назад. Когда лицо его снова показалось в окне, оно было таким белым, что казалось единственным лицом на всей улице, хотя вокруг стояли человек пятьдесят и смотрели то на дом, то на карету с телом, то на него.

Франклин Ван-Бернам, очевидно, вышел к дверям вместе с остальными. Как только брат снова выглянул, он сбежал по ступеням и попытался пробиться к нему сквозь толпу, но безуспешно. Мистеру Грайсу это удалось куда легче. Он пересек улицу, и вскоре я увидела, как он стоит возле экипажа и переговаривается с сидящим внутри Говардом. Еще через минуту он отступил, что-то сказал кучеру, сел рядом с молодым человеком, и их быстро увезли. Следом отправились карета с телом и часть толпы. Мистер Ван-Бернам с Франклином тоже поехали за ними, едва удалось нанять извозчика.

Мы, три женщины, остались в мучительном ожидании. У одной из нас оно кончилось нервным приступом, очень похожим на сердечный. Я, разумеется, имею в виду Кэролайн. Нам с Изабеллой понадобилось добрых полчаса, чтобы привести ее в себя. После этого Изабелла сочла своим долгом впасть в истерику. Но поскольку ее припадок был лишь слабым подражанием состоянию сестры, я обошлась с ней строго и вылечила одним нахмуренным взглядом. Когда обе снова обрели способность разговаривать, я позволила себе заметить:

– Можно подумать, вы знаете молодую женщину, которая по собственной глупости погибла в соседнем доме.

Изабелла решительно покачала головой, а Кэролайн ответила:

– Я просто не выдержала волнения. У меня всегда слабое здоровье, а тут такое ужасное возвращение домой. Когда

же вернутся отец и Франклин? Очень недобро с их стороны уехать, не сказав нам ни слова в утешение.

– Вероятно, они не сочли, что судьба этой незнакомой женщины может вас особенно затронуть.

Сестры Ван-Бернам различались и внешностью, и характером, но тут смутились одинаково. Обе опустили глаза и повели себя так странно, что я поневоле задумалась, чем все это кончится и как далеко меня затянет в эту историю, прежде чем откроется правда. К счастью, обошлось без истерики с моей стороны.

За обедом девушки держались так, словно показывали свои лучшие светские манеры. Увидев это, я тоже пустила в ход собственные. Они несколько иного образца, но, полагаю, производят не меньшее впечатление.

В результате обед вышел чрезвычайно церемонным. На столе стоял мой лучший фарфор, однако к обычному набору блюд я ничего не прибавила. Даже кое-что убрала: *одно блюдо*, которым особенно гордится моя кухарка, подавать не велела. Неужели я позволю этим спесивым барышням думать, будто из кожи вон лезла, чтобы им угодить? Нет уж, пусть лучше считают меня скуповатой и равнодушной к хорошему столу. Так что это *блюдо*, как говорят французы, было упразднено.

Вечером пришел их отец. Он выглядел очень подавленным и был далеко не так грозен, как обычно. В руке у него была скомканная телеграмма, говорил он быстро. Но ни од-

ной своей тайны мне не доверил. Пришлось пожелать барышням доброй ночи, так и не узнав о занимавшем нас деле почти ничего нового с того часа, как днем я покинула их дом.

Зато другие были осведомлены лучше меня. В тот вечер в похоронном заведении, куда отвезли тело неизвестной, разыгралась сцена, полная волнения и драматизма. Я не раз слышала подробный рассказ о ней и постараюсь изложить его здесь со всем беспристрастием стороннего наблюдателя.

Сев в экипаж к Говарду, мистер Грайс прежде всего отметил, что молодой человек напуган и даже не пытается это скрывать. Между тем сыщик почти ничего ему не сообщил. Говард знал лишь, что его разыскивают с полудня, чтобы он опознал молодую женщину, найденную мертвой в отцовском доме. И все же он не проявлял любопытства, не высказывал удивления, а просто принял положение вещей и тревожился. Заговорил он лишь незадолго до приезда. Вдруг взяв себя в руки, он решился спросить:

– Как она… эта молодая женщина, как вы ее называете… покончила с собой?

За долгую службу мистер Грайс повидал немало преступников и подозреваемых и сталкивался с самыми разными обстоятельствами. Этот вопрос вернул ему прежнюю живость. Он чуть пожал плечами и, скорее отвернувшись от собеседника, чем повернувшись к нему, спокойно ответил:

– Ее нашли под тяжелым шкафом. Под тем, на котором стоят вазы, слева от камина, вы должны его помнить. Ей раз-

давило голову и грудь. Необычный способ умереть, не правда ли? За всю мою долгую практику мне встречался лишь один подобный случай.

– Не верю ни одному вашему слову, – неожиданно ответил молодой человек. – Вы хотите меня напугать или надо мной издеваетесь. Ни одна дама не избрала бы такого способа умереть.

– Я не говорил, что она дама, – заметил мистер Грайс, мысленно отметив промах неосторожного собеседника.

Молодой человек вздрогнул; сыщик почувствовал это, поскольку они сидели вплотную.

– Нет, – пробормотал Говард. – Но из ваших слов я заключил, что она не простая женщина. Иначе, – вдруг вспыхнул он, – зачем вы требуете, чтобы я ехал ее опознавать? Разве за мной водится знакомство с женщинами, которых нельзя назвать дамами?

– Прошу прощения, – сказал мистер Грайс. Он с мрачным удовольствием предчувствовал одно из тех запутанных дел, которым люди его склада невольно радуются. – Я ни на что не намекал. Мы попросили вас, как попросили вашего отца и брата, поехать с нами в похоронное заведение. Установить личность погибшей крайне важно, поэтому следует соблюсти все формальности, которые могут этому помочь.

– А они… отец и брат, я имею в виду… ее не узнали?

– Узнать ее было бы трудно всякому, кто не знал ее очень близко.

На лице Говарда Ван-Бернама отразился ужас. Если это была *игра*, следовало признать в нем талантливого актера. Он откинул голову на подушки и на мгновение закрыл глаза. Когда снова открыл их, экипаж уже остановился. Мистер Грайс, который, разумеется, ничего не заметил, смотрел в окно, положив руку на дверную ручку.

– Уже приехали? – содрогнувшись, спросил молодой человек. – Лучше бы вы не сочли необходимым меня сюда везти. Я знаю, что не найду в ней ничего знакомого.

Мистер Грайс поклонился, еще раз напомнил о простой формальности и вслед за молодым господином вошел сначала в здание, затем в комнату, где лежало тело. Там были двое врачей и еще один-два служащих. Прежде чем взглянуть ту-

да, куда указывал сыщик, Говард поискал ободрения на их лицах. Но ни одно его не успокоило. Резко отвернувшись, он твердым шагом пересек комнату и встал возле мистера Грайса.

– Я уверен, – начал он, – это не моя жена…

В эту минуту ткань, покрывавшую тело, сняли, и он вздрогнул от явного облегчения.

– Я так и говорил, – холодно заметил он. – Я не знаю эту женщину.

Его вздоху вторили два вздоха у дверей. Оглянувшись, он увидел отца и старшего брата и направился к ним с таким облегчением, что казался совсем другим человеком.

– Я сказал, что мог, – заметил он. – Подождать снаружи, пока вы скажете свое?

– Мы уже все сказали, – ответил Франклин. – Объявили, что не знаем эту женщину.

– Разумеется, разумеется, – согласился Говард. – Не понимаю, почему они вообще решили, что мы должны ее знать. Какая-нибудь простая женщина покончила с собой, думая, что дом пустует… Но как она туда попала?

– Разве вы не знаете? – спросил мистер Грайс. – Неужели я забыл вам сказать? Ночью ее впустил молодой человек среднего роста. – Говоря это, он окинул взглядом стройную фигуру стоявшего перед ним *щеголя*. – Он оставил ее в доме и ушел. Молодой человек, у которого был ключ…

– *Ключ?* Франклин, я…

Не взгляд ли Франклина заставил его осечься? Возможно. На этих словах он круто повернулся и, почти весело вскинув голову, воскликнул:

– Впрочем, это неважно! Женщина нам незнакома. Объявив об этом, мы, полагаю, выполнили все требования закона и теперь можем забыть о случившемся. Франклин, ты в клуб?

– Да, но… – Старший брат подошел ближе и что-то прошептал ему на ухо. Услышав это, Говард снова обернулся к телу. Встревоженный отец вытер выступившую на лбу испарину. До сих пор Сайлас Ван-Бернам молчал и, казалось, намеревался молчать дальше, однако следил за младшим сыном с мучительным напряжением.

– Вздор! – вырвалось у Говарда, когда брат умолк.

И все же он сделал шаг к погибшей, затем еще один и еще, пока снова не оказался возле нее.

Как уже говорилось, руки ее не пострадали. На них он теперь и посмотрел.

– Похожи на ее руки! Боже, похожи! – пробормотал он, сразу помрачнев. – Но где кольца? На пальцах ни одного кольца, а она носила пять, считая обручальное.

– Вы говорите о своей жене? – спросил мистер Грайс, незаметно придвинувшийся к нему.

Вопрос застал молодого человека врасплох.

Он густо покраснел, но ответил смело и с самым откровенным видом:

– Да. Моя жена вчера уехала из Хаддама в Нью-Йорк, и с тех пор я ее не видел. Естественно, я опасался, что эта несчастная может оказаться ею. Но я не узнаю ни ее одежды, ни фигуры. Только руки кажутся знакомыми.

– А волосы? – спросил Грайс.

– Того же цвета, что и у нее, но цвет самый обыкновенный. Ни одна увиденная подробность не позволяет мне утверждать, что перед нами моя жена.

– Мы вызовем вас снова, когда врач закончит вскрытие, – сказал мистер Грайс. – Возможно, к тому времени миссис Ван-Бернам даст о себе знать.

Но этот намек, по-видимому, его не утешил. Бледный, с болезненным видом – и, несомненно, имея для этого основания, – мистер Ван-Бернам отошел от тела и присоединился к отцу, пытаясь держаться с *непринужденностью* светского человека.

Однако отец смотрел на него слишком пристально. Садясь, Говард замешкался и наконец с лихорадочной горячностью заговорил:

– Если это она, Бог мне свидетель, ее смерть для меня загадка! В последнее время мы не раз ссорились, и порой у меня не хватало терпения. Но у нее не было причин желать себе смерти. Да, руки похожи на ее руки, и Франклин нашел что-то еще, чего не может толком назвать. И все же я готов поклясться: там лежит незнакомая женщина, а то, что она погибла в нашем доме, – совпадение.

– Что ж, подождем, – успокаивающе ответил сыщик. – Пока расположитесь в комнате напротив и скажите, что заказать вам на ужин. Я позабочусь, чтобы вас хорошо накормили.

Не видя возможности отказаться, трое господ последовали за тактичным служащим, который пошел их проводить. Дверь комнаты, где остался врач, закрылась, скрыв за собой и мистера Грайса, и вопросы, которые он собирался задать.

Глава VI. Новые обстоятельства

Мистер Ван-Бернам с сыновьями кое-как отдал дань ужину. Теперь они обменивались случайными фразами, как бывает у людей, чьи мысли заняты тем, о чем они не решаются заговорить. Тут дверь открылась, и вошел мистер Грайс.

Он спокойно подошел к столу и обратился к отцу:

– Сожалею, но должен сообщить: дело гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Молодая женщина была мертва еще до того, как на нее упал шкаф с *безделушками*. Это убийство. Совершенно очевидное, иначе я не осмелился бы предвосхищать вердикт присяжных на коронерском дознании.

Убийство! От этого слова дрогнет и самое отважное сердце.

Старый господин попытался встать и пошатнулся. Франклин тоже выдал почти такое же сильное волнение, хотя и по-своему. Зато Говард пожал плечами, словно с них свалилась огромная тяжесть, бодро огляделся и воскликнул:

– Значит, там не моя жена. Никто не стал бы убивать Луизу. Я уйду и докажу, что прав: немедленно ее разыщу.

Сыщик открыл дверь, знаком подозвал врача, и тот шепнул Говарду несколько слов.

Но ожидаемого впечатления они не произвели. Говард удивился, однако голос его не изменился:

– Да, у Луизы был такой шрам. Если вы правы и у этой женщины такой же, это всего лишь совпадение. Меня ничто не убедит, что мою жену убили.

– Не лучше ли вам взглянуть на шрам, о котором идет речь? – спросил мистер Грайс.

– Нет. Я настолько уверен в своих словах, что даже не допускаю возможности ошибки. Я осмотрел одежду на теле, которое вы мне показали: ни одна вещь не принадлежала моей жене. И моя жена не пошла бы ночью в темный дом ни с каким мужчиной, кроме собственного мужа. А вы говорите, что эта женщина именно так и поступила.

– Итак, вы решительно отказываетесь признать в ней свою жену?

– Совершенно верно.

Сыщик помолчал, посмотрел на встревоженные лица двух других господ – во время этих заявлений выражение их почти не менялось – и многозначительно заметил:

– Вы не спросили, чем ее убили.

– Меня это не касается! – крикнул Говард.

– Способ весьма необычный. В моей практике такого тоже еще не было.

– Мне неинтересно, – отрезал Говард.

Мистер Грайс повернулся к его отцу и брату.

– А *вам* интересно?

Старый господин, обычно такой раздражительный и властный, молча кивнул, а Франклин воскликнул:

– Говорите скорее! Вы, сыщики, вечно тянете с неприятными известиями. Ее задушили или зарезали?

– Я сказал, что способ необычный. Ей нанесли колотую рану, но не ножом.

Теперь я достаточно хорошо знаю мистера Грайса, чтобы не сомневаться: произнося это, он не посмотрел на Говарда. И все же не пропустил у него ни одного дрогнувшего мускула, ни одного движения ресниц. Но показное *хладнокровие* молодого человека ничем не нарушилось. Лицо его оставалось невозмутимым.

– Рана так мала, – продолжал сыщик, – что просто чудо, как ее вообще заметили. Ее нанесли каким-то очень тонким предметом, пронзив…

– Сердце? – вставил Франклин.

– Разумеется, разумеется, – подтвердил мистер Грайс. – Какое еще место настолько уязвимо, чтобы удар оказался смертельным?

– Есть какая-нибудь причина, по которой мы не можем уйти? – потребовал ответа Говард. К огромному интересу отца и брата он оставался безучастен с упорством, выдававшим необыкновенное упрямство его характера.

Сыщик оставил вопрос без внимания.

– Быстрый удар. Точный. Смертельный. Она умерла мгновенно.

– Но как же все то, что ее придавило? – спросили его.

– Вот в этом и заключается загадка! Тот, кто напал на нее, был не только точен, но и хитер.

И все же Говард по-прежнему не проявлял интереса.

– Я хочу послать телеграмму в Хаддам, – объявил он, когда на последнее замечание никто не ответил. В Хаддаме они с женой проводили лето.

– Мы уже телеграфировали туда, – заметил мистер Грайс. – Ваша жена пока не вернулась.

– Есть и другие места, – вызывающе возразил Говард. – Если вы дадите мне возможность, я ее найду.

Мистер Грайс поклонился.

– В таком случае мне следует распорядиться, чтобы тело отправили в морг?

Предложение оказалось неожиданным. На миг даже Говард показал, что не лишен человеческих чувств. Но быстро

овладел собой и, избегая тревожных взглядов отца и брата, ответил с оскорбительной небрежностью:

– Это меня не касается. Поступайте, как считаете нужным.

Мистер Грайс понял, что на этот раз его переиграли. Он не знал, восхищаться ли выдержкой молодого человека или проклинать его жестокость. В том, что женщина, которую тот с такой легкостью обрек на унижение всеобщего обозрения, была его женой, сыщик не сомневался.

Глава VII. Мистер Грайс открывает мисс Амелию

Вернусь к тому, что наблюдала сама. К десяти часам того памятного вечера я знала о занимавшем меня деле почти так же мало, как в пять, но мириться с этим не собиралась. Когда сестры Ван-Бернам удалились к себе, я потихоньку вышла из дома, подошла к соседнему крыльцу и смело позвонила. Несколькими минутами раньше я видела, как туда вошел мистер Грайс, и твердо решила с ним поговорить.

В передней горела лампа, так что, когда он открыл дверь, мы хорошо различали лица друг друга. Возможно, мое стоило изучить, но его уж точно заслуживало внимания. Появления пожилой дамы в такой час он не ожидал.

– Вот как! – сухо произнес он. – Польщен оказанной честью, мисс Баттерворт.

Однако войти не предложил.

– Именно этого я и ждала, – ответила я. – Я видела, как вы вошли, и пришла, как только смогла. Мне нужно вам кое-что сказать.

Тогда он впустил меня и тщательно закрыл дверь. Почувствовав, что теперь можно быть самой собой, я откинула завязанную под подбородком вуаль и обратилась к нему с тем, что называю подлинной решимостью.

– Мистер Грайс, предлагаю обменяться любезностями. Вы

расскажете мне, как поступили с Говардом Ван-Бернамом, а я поделюсь наблюдениями, которые сделала во время дневного расследования.

Не сомневаюсь, этот престарелый сыщик привык иметь дело с женщинами. Но не со *мной*. Это было видно по тому, как он вертел в руках очки. Я решила ему помочь.

– Сегодня я заметила кое-что, по-моему, ускользнувшее от *вас*. Зацепка такая незначительная, что большинство женщин о ней бы не заговорили. Но я заинтересована в этом деле и готова поделиться, если вы взамен расскажете то, что завтра появится в газетах.

Похоже, ему понравилось. Он посмотрел сквозь стекла очков, потом на сами очки и улыбнулся, словно сделал открытие.

– Ваш покорнейший слуга, – объявил он.

И мне показалось, что дочь моего отца впервые получила заслуженное признание.

Но доверительными сведениями он меня не осыпал. О нет, этот старый, испытанный сыщик очень хитер! При всей видимой разговорчивости он сообщил совсем немного. И все же я поняла: положение Говарда серьезно. А если так, значит, уже установили, что смерть женщины не была ни несчастным случаем, ни самоубийством.

Я намекнула на это. Он, несомненно преследуя собственные цели, наконец признал, что у погибшей обнаружили рану, которую она не могла нанести себе сама. Мой интерес к

этому необыкновенному убийству так возрос, что я, должно быть, выдала себя чем-нибудь неразумным. Осторожный старый господин усмехнулся, с нежностью посмотрел на очки, сложил их и убрал в карман.

– А теперь что вы мне расскажете? – спросил он, незаметно встав между мной и дверью гостиной.

– Только одно. Расспросите как следует эту странную уборщицу. Она может сообщить кое-что, что вам необходимо знать.

Кажется, он был разочарован. Вид у него стал такой, словно он жалел об убранных очках, а в голосе появилась прежде не слышанная мной резкость.

– Вы знаете, что именно? – спросил он.

– Нет. Иначе рассказала бы сама.

– Почему же вы решили, что она от нас что-то скрывает?

– По ее поведению. Разве вы его не заметили?

Он пожал плечами.

– Мне оно сказало многое, – настаивала я. – Будь я сыщиком, выведала бы у этой женщины ее тайну или умерла бы, пытаясь это сделать.

Он засмеялся. Этот хитрый, старый, почти дряхлый человек засмеялся во весь голос! Потом сурово посмотрел на своего давнего знакомца на лестничном столбе, выпрямился с некоторым достоинством и произнес:

– Как мне повезло познакомиться с вами, мисс Баттерворт. Вдвоем мы, пожалуй, распутаем это дело ко всеобще-

му удовольствию.

Он хотел съязвить, но я приняла его слова вполне серьезно – по крайней мере на вид. Я не менее хитра, чем он, и хотя не так уж стара – *теперь язвлю я*, – некоторой долей его сообразительности обладаю, пусть и без его опыта.

– Тогда за работу, – сказала я. – У вас есть свои предположения об убийстве, у меня свои. Давайте их сравним.

Не будь фигурка, на которую он смотрел, бронзовой, она наверняка окаменела бы под его взглядом. Мне предложение деятельной женщины, обладающей особым даром к его профессии, казалось самым естественным. Он, очевидно, счел его вопиющей дерзостью. Но все свое изумление он выразил лишь фигурке, а мне ответил с безукоризненной учтивостью:

– Очень вам признателен, сударыня. Возможно, позднее я и соглашусь обдумать ваше любезное предложение. Но сейчас я занят, очень занят. Если вы подождете меня у себя с полчаса…

– Почему бы не подождать здесь? – перебила я. – Сама обстановка, пожалуй, обострит мои способности. Уже чувствую: стоит еще раз внимательно оглядеть гостиную, и я приду к какому-нибудь ценному выводу.

– Вы…

Он так и не сказал, что я такое. Вернее, что такое фигурка, к которой он обращался. Но, должно быть, собирался высказать нечто необычайно лестное.

Я чинно присела в знак благодарности за доброе намере-

ние. Это убедило его, что я все прекрасно поняла. Тогда он переменил тон на деловой и, немного подумав, заметил:

– Сегодня днем вы сделали вывод, который я хотел бы прояснить, мисс Баттерворт. Осматривая шляпу, извлеченную из-под тела, вы сказали, что ее надевали лишь однажды. Я уже пришел к тому же заключению, но, несомненно, другим путем. Объясните, на чем основывалась ваша уверенность.

– В ней был только один прокол от шляпной булавки, – ответила я. – Если вы привыкли заглядывать внутрь дамских шляп, то поймете значение моих слов.

– Черт возьми! – воскликнул он, совершенно некстати, на мой взгляд. – В женских вещах женский глаз незаменим. Я вам чрезвычайно обязан, сударыня. Вы разрешили для нас очень важный вопрос. Шляпная булавка! Хм! – пробормотал он себе под нос. – Дьявольскую изобретательность человека так просто не остановить. Когда другого под рукой нет, сгодится даже такая невинная вещица.

Возможно, уже одно то, что мистер Грайс позволил себе проговориться, показывает: он стареет. Но, сказав это, он не стал брать слова назад, а, напротив, доверился мне настолько, что объяснил:

– Женщина, убитая в этой комнате, погибла от удара тонкой длинной булавкой. О шляпной мы не подумали. Но теперь, когда вы ее назвали, я готов признать в ней орудие убийства. Когда вы осматривали шляпу, булавки в ней не

было?

– Не было. Я осмотрела ее самым внимательным образом.

Он покачал головой и задумался. Времени у меня было достаточно, и я терпеливо ждала, что он скажет дальше. Это, кажется, произвело на него впечатление. Несколько раз подняв и опустив ладони, словно взвешивал что-то, он снова заговорил со мной – теперь насмешливо:

– Булавка, если это действительно была булавка, сломалась, оставив обломок в ране. Мы ищем ту часть, которая осталась в руке убийцы, но пока не нашли. Ни в одной из гостиных, ни здесь, в передней, на полу ее нет. Как вы полагаете, что сделал с ней изобретательный владелец такого оружия?

Теперь я уверена: он спросил это только ради насмешки. Развлекался за мой счет. Но тогда я этого не поняла – так увлеклась своим предметом.

– Не унес бы с собой, – сразу рассудила я. – По крайней мере далеко. Выйдя на улицу, он ничего не выбрасывал. Я так внимательно следила за ним, что непременно заметила бы это. Значит, обломок в доме, вероятнее всего в гостиной, даже если на полу его не оказалось.

– Хотите поискать? – внушительно спросил он.

В ту пору я еще не знала, что чем внушительнее он говорит, тем меньше оснований полагаться на его откровенность.

– Хочу ли я! – повторила я.

Я стройна и гораздо проворнее, чем можно предполо-

жить по моему возрасту и степенной осанке. Поэтому я успела проскользнуть у него под рукой и очутиться в гостиной прежде, чем он оправился от удивления.

Не подумайте, будто такой человек мог выглядеть глупо. Но довольным он уж точно не выглядел. Пока он подыскивал слова, я успела не раз оглядеться.

– Нечестное преимущество, сударыня, нечестное! Я стар, страдаю ревматизмом, а вы молоды и здоровы. Признаю свою глупость: зря вздумал с вами состязаться. Теперь остается извлечь из положения все, что можно. Так где же булавка, сударыня?

Он говорил шутливо, но я поняла: настал мой час. Если найду орудие убийства, чего только не смогу добиться благодаря его признательности! Собравшись с духом, я стала внимательно осматривать комнату и, прежде чем сделать хоть шаг, оглядела каждый предмет. Беспорядок уже немного устранили. Осколки фарфора подняли с пола и аккуратно разложили на газетах на тех полках, с которых они упали. Шкаф стоял на прежнем месте. Часы, свалившиеся циферблатом вверх, в таком же положении перенесли на каминную полку. На ковре теперь ничего не было, кроме пятен, печально напоминавших о трагедии и преступлении.

– Вы отодвигали столы и смотрели за диванами? – спросила я.

– Мы осмотрели каждый дюйм пола, сударыня.

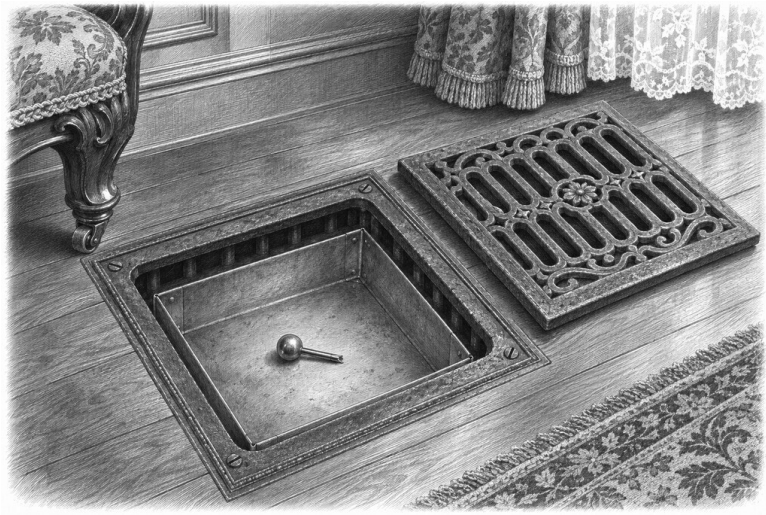
Мой взгляд упал на решетку отопления, которую наполо-

вину прикрывали мои юбки. Она была закрыта. Я наклонилась и открыла ее. Внизу виднелся квадратный жестяной короб, а на дне его лежала круглая головка сломанной шляпной булавки.

Никогда в жизни я еще не испытывала подобного чувства. Выпрямившись, я указала на решетку и позволила себе высказать часть торжества. Только часть: я вовсе не была уверена тогда, да и сейчас не уверена, что он не сделал этого открытия прежде меня и просто не испытывал мои способности.

Как бы то ни было, он быстро подошел, с некоторым трудом извлек обломок и с любопытством осмотрел его.

– Полагаю, это как раз то, что мы ищем, – объявил он и с той минуты стал относиться ко мне с должным уважением.

Головка сломанной булавки под отопительной решеткой

– Вот как я объясняю, почему обломок оказался здесь, – сказала я. – В комнате было темно. Даже если убийца зажигал свет, то ненадолго. На выходе он задел ногой железную решетку, и ему пришла мысль. Бросить головку булавки на пол он не осмелился: ведь надеялся скрыть преступление, опрокинув на жертву тяжелый шкаф. Уносить с собой такую память о жестоком поступке ему тоже не хотелось. Он бросил обломок в отверстие, полагая, что тот провалится в ото-

пительные трубы и исчезнет. Но жестяной короб его задержал. Правдоподобно, сэр?

– Сам бы лучше не рассудил, сударыня. Еще увидим вас на службе в полиции.

Подобная фамильярность меня возмутила.

– Я мисс Баттерворт, – резко ответила я. – И если интересуюсь этим делом, то лишь из чувства справедливости.

Сообразив, что задел меня, проницательный сыщик вернул разговор к делу.

– Кстати, ваши знания в женских вопросах помогут мне еще кое в чем. Если вы не боитесь минуту побыть здесь одна, я принесу вещь, о которой хотел бы узнать ваше мнение.

Я заверила его, что совершенно не боюсь. Он снова поклонился своим странным поклоном и прошел в соседнюю гостиную. Но там не задержался: открыл раздвижные двери в находившуюся за ней столовую, вошел и закрыл их за собой. Оставшись на минуту одна на месте преступления, я подошла к камину и подняла лежавшие на полке часы.

Зачем я это сделала, и сама толком не знаю. Я люблю порядок – некоторые называют это педантизмом, – и, вероятно, меня раздражало, что такая дорогая вещь лежит не как положено. Как бы то ни было, я поставила часы прямо, и, к моему изумлению, они затикали. Если бы стрелки показывали иное время, чем тогда, когда я впервые увидела их на полу возле погибшей, я решила бы, что механизм успел завести мистер Грайс или другой усердный служащий. Но они

по-прежнему показывали без нескольких минут пять. Оставалось заключить, что при падении часы шли, как ни странно это было в доме, пустовавшем несколько месяцев.

Однако если часы шли и остановились только от падения, почему они показывали около пяти, а не полночь, когда, по предположению, произошло несчастье? Было над чем подумать. Чтобы мне не помешали, я поспешно уложила часы обратно. Даже вернула стрелки в точности в то положение, в каком они находились до моего вмешательства. Если мистер Грайс не знал их тайны, тем хуже для мистера Грайса.

Прежде чем раздвижные двери снова открылись, я уже стояла на прежнем месте у решетки. Чувствуя, что щеки слегка пылают, я достала тот самый злосчастный бакалейный счет. Когда появился мистер Грайс, я с трудом разбирала его длинные столбцы цифр.

К моему удивлению, он нес дамскую шляпу.

«Вот как! – подумала я. – Что бы это значило?»

Шляпа была дорогая, последней моды. Ее украшали ленты, цветы и птичьи крылья. Мистер Грайс ловко поворачивал ее, показывая со всех сторон. Кто-то, пожалуй, назвал бы ее прелестной; мне она казалась нелепой и смехотворной.

– Это шляпа прошлой весны? – спросил он.

– Не знаю. На мой взгляд, только что от модистки.

– Я нашел ее в шкафу в столовой. Она лежала на пустой полке, а внутри была пара перчаток. Мне показалось, что для выброшенной шляпы одной из сестер Ван-Бернам она слиш-

ком новая. Как вы считаете?

– Дайте-ка мне, – сказала я.

– Ее носили, – улыбнулся он. – Несколько раз. И булавка в ней тоже есть.

– Я хочу посмотреть кое-что другое.

Он передал мне шляпу.

– По-моему, она принадлежит одной из сестер, – объявила я. – Сделана у Ла Моль на Пятой авеню, а у нее цены просто безбожные.

– Но девушки уехали… дайте вспомнить… пять месяцев назад. Могли ее купить раньше?

– Возможно. Она привезена из-за границы. Но зачем оставлять ее валяться как попало? Стоила она долларов двадцать, если не тридцать. Если хозяйка почему-то не захотела брать ее с собой, отчего не убрала как следует? Терпеть не могу нынешних девушек: одна беспечность и расточительность.

– Слышал, барышни остановились у вас, – многозначительно заметил он.

– Да.

– Значит, вы сможете расспросить их о шляпе. И о перчатках: обыкновенная пара для улицы.

– Какого цвета?

– Серые, почти новые, шестого размера.

– Хорошо, я их спрошу.

– Третья комната служит столовой, а шкаф, где я все это

нашел, предназначен для стеклянной посуды. Почему там оказалась шляпа, загадка. Но, полагаю, сестры Ван-Бернам помогут ее разрешить. В любом случае едва ли это связано с совершенным здесь преступлением.

– Едва ли, – согласилась я.

– Связь настолько маловероятна, – продолжал он, – что, пожалуй, я передумал. Лучше не тревожьте барышень расспросами, пока не появятся более веские основания.

– Хорошо, – ответила я.

Но его перемена намерений меня не обманула.

Он весьма многозначительно придерживал передо мной дверь гостиной. Я завязала вуаль под подбородком и уже собиралась уходить, когда он меня остановил.

– У меня к вам еще одна просьба, – сказал он с самой добродушной улыбкой. – Вы согласитесь несколько вечеров не ложиться до полуночи, мисс Баттерворт?

– Конечно, – ответила я, – если для этого есть веская причина.

– Сегодня в двенадцать в этот дом войдет один господин. Буду признателен, если вы понаблюдаете за ним из своего окна.

– Чтобы проверить, не тот ли это человек, которого я видела прошлой ночью? Разумеется, посмотрю, но…

– Завтра ночью, – невозмутимо продолжал он, – опыт повторится. И я попрошу вас взглянуть снова. Беспристрастно, сударыня. Помните: беспристрастно.

– Я совершенно беспристрастна… – начала я.

– Возможно, двух вечеров окажется недостаточно, – продолжал он, не обращая внимания на мои слова. – Поэтому не спешите, как выражается простой народ, вычислить своего человека. А теперь доброй ночи. Увидимся завтра.

– Постойте! – властно окликнула я его: он уже собирался закрыть дверь. – Я видела мужчину очень смутно. У меня осталось лишь общее впечатление. Не хотелось бы, чтобы из-за моего опознания человека повесили.

– За одно опознание никого не вешают. Преступление нам еще придется доказать, сударыня. Но опознание важно, даже такое, какое можете провести вы.

Больше сказать было нечего. Я спокойно пожелала ему доброй ночи и поспешила домой. Разумно распорядившись представившейся возможностью, я теперь знала о важнейшем для меня деле значительно больше, чем до визита.

Я вернулась в половине двенадцатого. Для одинокой дамы, входящей в свой почтенный дом, час поздний. Но обстоятельства вполне оправдывали мою вылазку. С чистой совестью и приятным сознанием исполненного долга я поднялась в спальню, готовясь провести оставшиеся до полуночи полчаса без сна.

Наедине с собой мне уютно, и провести это время с пользой не составило труда. Как вы, вероятно, заметили, я люблю порядок. Все необходимое для чашки чая у меня всегда под рукой, будь то днем или ночью. Почувствовав потребность

подкрепиться, я придвинула маленький столик, предназначенный для таких случаев, приготовила чай и села пить.

За чаем я снова обдумывала дело, пытаясь согласовать показания часов со своей первоначальной версией убийства. Но они никак не согласовывались. Женщину убили в полночь, а часы упали в пять. Как совместить одно с другим? И если это невозможно, чему придется уступить: моей версии или показаниям часов? И то и другое казалось неопровержимым. Но что-то одно должно быть неверно. Что именно?

Я склонялась к мысли, что дело в часах. Возможно, я ошиблась в выводах и во время преступления они не шли. Мистер Грайс мог распорядиться их завести, а затем положить на спину, чтобы стрелки не сдвигались с того места, на котором остановились к моменту обнаружения тела. Поступок необъяснимый, но возможный. А предположение, что они шли при падении шкафа, было уж вовсе невероятным: насколько нам известно, несколько месяцев в доме не бывало никого, кто обладал бы достаточной ловкостью, чтобы завести такой дорогой механизм. Неужели можно представить себе уборщицу за делом, требующим столь тонкого обращения?

Нет! Какой-нибудь ретивый служащий ради забавы пустил механизм в ход, и улика, показавшаяся мне такой важной, скорее всего, окажется бесполезной.

Эта мысль была унизительна. Поэтому я с облегчением услышала приближение экипажа как раз в ту минуту, когда

часы на моем камине пробили двенадцать. Я вскочила, погасила свет и бросилась к окну.

Экипаж подъехал к соседнему дому. Из него вышел господин и быстрым шагом пересек тротуар, направляясь к крыльцу. Его фигура не походила на фигуру человека, которого я видела входившим туда прошлой ночью.

Глава VIII. Сестры Ван-Бернам

Хотя легла я поздно, утром встала рано – едва успели разнести газеты. На крыльце лежала «*Трибюн*». Я жадно схватила ее и так же жадно принялась читать. О том, что она сообщала об убийстве, можете судить по заголовкам:

СТРАШНАЯ НАХОДКА В ОСОБНЯКЕ ВАН-БЕРНАМОВ В ГРАМЕРСИ-ПАРКЕ

Под опрокинутым шкафом обнаружено тело молодой женщины

Есть основания полагать, что ее убили прежде, чем повалили на нее шкаф

Некоторые считают погибшую женой Говарда Ван-Бернама

Ужасное преступление окутано непроницаемой тайной

Что говорит мистер Ван-Бернам: он не признает в погибшей свою жену

Так, так, значит, речь шла о его жене. Этого я не ожидала. Ну что ж, неудивительно, что девушки были так встревожены. Я отложила газету и припомнила все, что слышала о женитьбе Говарда Ван-Бернама.

Удачной ее назвать нельзя. Избранница его была достаточно хороша собой, но к светскому обществу не принадлежала, и остальные члены семьи так ее и не признали. Особенно отец: с самой свадьбы он перестал замечать сына и да-

же грозил расторгнуть их общее деловое товарищество. Хуже того, ходили слухи о разладе между молодыми супругами. Жили они не всегда дружно; о том, кто больше виноват, мнения расходились. Вот и все, что я знала об этих двоих.

Прочитав статью, я узнала, что миссис Ван-Бернам пропала. Она уехала из Хаддама в Нью-Йорк на день раньше мужа, и с тех пор о ней не было вестей. Говард, однако, был уверен: теперь, когда газеты сообщили о ее исчезновении, известия появятся немедленно.

Вся статья заставляла серьезно усомниться в искренности его заявлений. Как мне передали, менее щепетильные газеты не ограничились сомнениями: они уже строили догадки о том, не был ли он тем самым мужчиной, которого я видела входившим в дом вместе с молодой женщиной. Что касается меня, то мое имя выставили напоказ в весьма неприятном свете. В одной газете – об этом сообщил добрый знакомый – меня назвали «вездесущей мисс Амелией». Словно моя вездесущность не дала полиции единственной зацепки для установления личности преступника!

Только «*Нью-Йорк уорлд*» отнеслась ко мне с должным вниманием. Недаром я внушила почтение тому молодому человеку с маленькой головой и глазами-бусинками. Он назвал меня «проницательной мисс Баттерворт, чьи показания, вероятно, окажутся чрезвычайно важными в этом увлекательном деле».

Именно «*Уорлд*» я подала сестрам Ван-Бернам, когда они

спустились к завтраку. Газета отдала должное мне и не была чрезмерно несправедлива к их брату. Они читали вместе, так глубоко уткнувшись в лист, что я не могла видеть их лиц. Зато видела, как дрожит бумага. И когда наконец они снова взглянули на меня, стало ясно: светский лоск еще не успел покрыть их такой толстой коркой, чтобы за ней можно было скрыть настоящие страх и горе.

– Вы читали? Видели эту ужасную статью? – дрожащим голосом спросила Кэролайн.

– Да. Теперь я понимаю вашу вчерашнюю тревогу. Вы знали жену своего брата? Как вы думаете, могли ее таким способом заманить в дом вашего отца?

Ответила Изабелла.

– Мы никогда ее не видели и почти ничего о ней не знаем. Но от такой невоспитанной особы всего можно ожидать. А вот будто наш добрый Говард вошел туда с ней – это ложь. Правда, Кэролайн? Низкая, злонамеренная ложь!

– Конечно, ложь, конечно! Вы ведь не думаете, что видели Говарда, дорогая мисс Баттерворт?

Дорогая? Вот уж, право!

– Я почти не знакома с вашим братом, – ответила я. – За всю жизнь видела его всего несколько раз. Вы знаете, в последнее время он нечасто бывал в отцовском доме.

С какой надеждой они смотрели на меня! *С какой надеждой!*

– Скажите, что это был не Говард, – шепнула Кэролайн,

придвинувшись ко мне.

– И мы этого никогда не забудем, – пробормотала Изабелла, причем, должна заметить, совершенно позабыв о своих светских манерах.

– Надеюсь, что смогу это сказать, – коротко ответила я. Уже сложившееся мнение мешало мне говорить свободно. – Когда увижу вашего брата, возможно, сразу пойму, что в дом входил другой человек.

– Да, да! Слышишь, Изабелла? Мисс Баттерворт еще спасет Говарда. Ах вы наша милая старушка! Я могла бы вас полюбить!

Мне это не понравилось. Я – милая старушка? Так можно назвать торговку маслом, но не мисс Баттерворт![1] Я отстранилась, и сентиментальности прекратились. Надеюсь, их брат не тот преступник, каким рисуют его газеты. Но если все-таки он, то изящное «*мы могли бы вас полюбить*» не помешает мне поступить по совести.

Мистер Грайс пришел рано. Я с радостью сообщила ему, что господин, побывавший у него прошлой ночью, не напомнил мне того, другого. Он принял известие спокойно, словно более или менее этого ожидал. Но кто способен правильно истолковать поведение сыщика, особенно такого хитрого и невозмутимого? Мне очень хотелось узнать, кто был его гость. Однако спросить я не решилась. Вернее – буду откровенна в малом, чтобы вы верили мне в большом, – я была уверена, что он не ответит, и не пожелала ронять достоин-

ство бесполезным вопросом.

Он ушел через пять минут. Я уже собиралась заняться домашними делами, когда появился Франклин.

Сестры бросились к нему, словно подброшенные куклы.

– Вы нашли ее? – воскликнули они, на этот раз думая и говоря одно и то же.

Его молчание было таким красноречивым, что качать головой не понадобилось.

– Но до вечера вы ведь найдете? – настаивала Кэролайн.

– Сейчас еще слишком рано, – добавила Изабелла.

– Я и не думала, что когда-нибудь обрадуюсь этой женщине, – продолжала Кэролайн. – А теперь, кажется, увидь я ее на улице под руку с Говардом, я от радости выбежала бы и… и…

– Обняла ее, – закончила за нее более порывистая Изабелла.

Кэролайн собиралась сказать другое, но приняла поправку, лишь едва заметно поморщившись. Обе, несомненно, были очень привязаны к Говарду и ради него в такую минуту готовы все забыть и простить. Они снова начали мне нравиться.

– Ты читал эти ужасные газеты? Как сегодня папа? Что нам сделать, чтобы спасти Говарда? – наперебой спрашивали они. Я сочла вполне естественным дать им высказаться, села на самый неудобный свой стул и стала ждать, когда первый порыв иссякнет.

Но мистер Ван-Бернам тотчас взял сестер под руки и отвел к дальнему дивану.

– Вам здесь хорошо? – спросил он тоном, который считал доверительным. Но стоит заговорить не для моих ушей, и я, подобно глухим в таких случаях, слышу превосходно.

– Она достаточно добра, – шепнула Кэролайн, – но ужасно скупа. Увези нас туда, где можно поесть.

– Все деньги уходят на фарфор! Какие тарелки! *И как мало на них еды!*

Услышав эти слова, произнесенные со всей выразительностью, на какую способен шепот, я в своем тихом уголке едва сдержала ликование. Милые пустоголовые создания! Ну что ж, они еще увидят. Еще увидят!

– Боюсь, – заговорил теперь Франклин, – сегодня мне придется забрать сестер из-под вашей доброй опеки. Отец в них нуждается и, насколько мне известно, уже снял для них комнаты в «Плазе».

– Очень жаль, – ответила я. – Но, надеюсь, еще раз поесть у меня они не откажутся. Отложите отъезд до завтрака, барышни, и вы меня чрезвычайно обяжете. Возможно, больше мы не встретимся при столь приятных обстоятельствах.

Девушки заерзали – как я и ожидала – и стали украдкой смотреть на брата с почти комической мольбой. Но он притворился, будто ничего не замечает: по какой-то причине ему хотелось исполнить мою просьбу. Воспользовавшись их заминкой, я примирительно поклонилась всем троим и, от-

ступая за портьеру, сказала:

– Пойду распорядиться о завтраке. А барышни пусть пока чувствуют себя совершенно свободно. Все, что есть у меня, к их услугам.

Я ушла прежде, чем мне успели возразить.

В следующий раз я увидела их наверху, в своей передней комнате. Они сидели рядом у окна с таким несчастным видом, что небольшое развлечение им не повредило бы. Я подошла к шкафу и достала шляпную коробку. В ней лежал мой лучший капор.

– Барышни, что вы об этом скажете? – спросила я, вынув капор и осторожно надев его.

Я считаю, что он мне очень к лицу, но их брови взлетели вверх с выражением, которое лестным никак не назовешь.

– Вам не нравится? – заметила я. – Что ж, я очень ценю вкус молодых девушек. Завтра же отошлю его обратно мадам Мор.

– Невысокого я мнения о мадам Мор, – сказала Изабелла. – А после Парижа…

– Ла Моль вам нравится больше? – спросила я, поворачивая голову перед зеркалом, чтобы удобнее было скрыть интерес к затеянной мною уловке.

– Мне не нравится никто, кроме д'Обиньи, – ответила Изабелла. – Она берет вдвое дороже Ла Моль…

Вдвое! Из чего сделаны кошельки этих девушек? Или, вернее, кошелек их отца!

– Но у нее есть тот *шик*, к которому мы привыкли у французских модисток. *Больше ни к кому* не пойду.

– Нам ее рекомендовали в Париже, – уже вяло добавила Кэролайн. Легкомысленная тема занимала ее лишь наполовину.

– А шляп Ла Моль у вас никогда не было? – продолжала я. Взяла ручное зеркало, будто желая посмотреть, как сидит капор сзади. На самом деле оно помогало мне скрывать интерес к их ничего не подозревавшим лицам.

– Никогда! – отрезала Изабелла. – Не стану я к ней обращаться.

– И у вас? – небрежно спросила я, повернувшись к Кэролайн.

– Нет. Я даже не бывала в ее магазине.

– Тогда чья же… – начала я и осеклась. Сыщику, занятому таким делом, как я, не следовало столь безрассудно выдавать цель расспросов.

– Тогда чья же работа, – поправилась я, – лучшая после д'Обиньи? *Ее* цены мне не по карману. Сочла бы грехом столько платить.

– Нас не спрашивайте, – возразила Изабелла. – Мы не выясняли, кто лучше всех шьет капоры. Мы пока носим шляпы.

И, таким образом попрекнув меня своей молодостью, они снова отвернулись к окну. Даже не догадывались, что женщина средних лет, к которой они отнеслись с таким пренеб-

брежением, только что весьма успешно заставила их плясать под свою дудку.

Завтрак я заказала изысканный. Мне хотелось показать сестрам Ван-Бернам, что я умею хорошо накрыть стол и не всегда мои тарелки лучше того, что на них подают.

Я пригласила еще двоих гостей, чтобы не показалось, будто я расстаралась ради двух девиц. Они были такими же сдержанными людьми, как я, и завтрак прошел чрезвычайно чинно. После него у мисс Кэролайн и мисс Изабеллы поубавилось важности. Думаю, уважение, которое они с тех пор мне выказывают, вызвано скорее изумлением перед совершенством этого изящного завтрака, чем подлинным признанием моего характера и способностей.

Они уехали в три часа, все еще не получив вестей о миссис Ван-Бернам. К этому времени я была уверена, что над семьей сгущаются тучи, и проводила девушек с сожалением и искренним сочувствием. Приучи их как следует уважать старших, насколько легче было бы заметить серьезность Кэролайн и добрые порывы Изабеллы!

Вечерние газеты не сообщили мне почти ничего нового. Обещали важные открытия, но даже не намекали, какие именно. Сотни людей осмотрели тело в морге, однако никто не опознал погибшую. Говард по-прежнему не признавал в ней свою жену. Следующего дня ждали с тревогой.

Вот и все, что могла предложить пресса!

В полночь я снова сидела у окна. Свет в соседнем доме горел с десяти часов, и я каждую минуту ждала ночного гостя. Он появился точно в назначенное время, выскочил из экипажа, хлопнул дверцей и бодро пересек тротуар. Его фигура не была ни настолько похожа на фигуру предполагаемого убийцы, ни настолько отлична от нее, чтобы я могла уверенно сказать: «Это он» или «Это не он». Ложась спать, я была озадачена и немало тяготилась возложенной на меня ответственностью.

Так прошел день между убийством и дознанием.

Глава IX. Новые открытия

На следующее утро, около девяти, пришел мистер Грайс.

– Ну что скажете о моем вчерашнем госте? – спросил он.

– И похож, и не похож, – ответила я. – Я ни за что не стала бы утверждать, что мы ищем именно его. Но и поклясться, что это был не он, не решусь.

– Значит, вы сомневаетесь?

– Да.

Мистер Грайс поклонился, напомнил о дознании и ушел. О шляпе мы не сказали ни слова.

К десяти часам я собралась в указанное им место. Никогда прежде мне не приходилось бывать на дознании, и я немного волновалась. Но, завязав ленты капора – того самого презренного капора, который, кстати, я так и не вернула мадам Мор, – я преодолела слабость. Теперь мой вид куда лучше соответствовал положению главной свидетельницы по серьезному полицейскому делу.

За мной подали заказанный экипаж. Я отъехала от дома под крики полудюжины мальчишек, собравшихся у тротуара. Но внимание публики меня не смутило. Напротив, голову я держала так высоко, как предусмотрено природой, а спину – так прямо, как позволяет мое отменное здоровье. На пути долга встречаются тернии, но сильные умы, подобные моему, призваны их не замечать.

Ровно в десять я вошла в зал, отведенный для дознания, и меня проводили на назначенное место. Я никогда не отличалась застенчивостью, однако не могла не заметить множества обращенных на меня глаз. Поэтому постаралась держаться так, чтобы никто не усомнился в моем почтенном положении в обществе. Этого, по моему мнению, требовала память отца, о котором я в тот день часто думала.

Коронер уже сидел на своем месте. Доброго лица мистера Грайса поблизости я не увидела, но не сомневалась, что он где-нибудь рядом и все слышит. Остальных я почти не замечала, кроме честной уборщицы. Между сновавшими людьми иногда мелькали ее красное лицо, тревожные глаза и нелепый капор, который уж точно был *не от Ла Моль*.

Никого из Ван-Бернамов видно не было, однако это еще не означало, что они отсутствуют. Напротив, кое-какие признаки убеждали меня: не один член семьи находится в маленькой комнате, смежной с большим залом, где мы, свидетели, сидели вместе с присяжными.

Первым показания дал полицейский Кэрролл. Он рассказал, как я остановила его во время обхода и как он вошел в дом мистера Ван-Бернама вместе с уборщицей. Подробно описал обнаружение тела на полу гостиной и особо подчеркнул, что никому – тут он очень выразительно посмотрел на меня – не позволял прикасаться к нему до прибытия помощи из полицейского управления.

Следом вызвали уборщицу, миссис Бопперт. Если никто

другой в зале за ней не следил, то я следила. Перед коронером она держалась, на мой взгляд, ничуть не лучше, чем в гостиной Ван-Бернамов. Услышав свое имя, заметно вздрогнула, а когда ей протянули Библию, совсем перепугалась. И все же присягу принесла. С ее показаний расследование началось по-настоящему.

– Как вас зовут? – спросил коронер.

Уж этого-то она не могла не знать, поэтому необходимые слова произнесла без запинки. Но всем видом дала понять, что возмущена бесцеремонным вопросом о том, что ему и так известно.

– Где живете? Чем зарабатываете? – быстро последовали вопросы.

Она ответила, что ходит по домам убирать и мыть полы. После этого приняла такой упрямый вид, что, казалось бы, наблюдавшие должны были насторожиться. Однако остальные, по-видимому, увидели лишь обычную неловкость необразованного человека.

– Давно вы знаете семью Ван-Бернамов? – продолжал коронер.

– К Рождеству два года будет, сэр.

– Часто у них работали?

– Убираю дом два раза в год, осенью и весной.

– Зачем вы пришли в этот дом позавчера?

– Кухонные полы вымыть, сэр, и прибрать в кладовых.

– Вам велели это сделать?

– Да, сэр. Мистер Франклин Ван-Бернам передал.

– В тот день вы приступили к работе?

– Нет, сэр. Накануне тоже весь день там провела.

– Вы говорите слишком тихо, – заметил коронер. – Помните: все присутствующие хотят вас слышать.

Она подняла глаза и испуганно оглядела толпу. Всеобщее внимание причиняло ей явное неудобство. Но голос ее стал скорее тише, чем громче.

– Где вы взяли ключ от дома и через какую дверь вошли?

– Через нижнюю дверь, сэр. А ключ у управляющего мистера Ван-Бернама, на Дей-стрит. Пришлось самой за ним идти. Иногда мне присылают, но в этот раз не прислали.

– Теперь расскажите, как в среду утром встретили полицейского возле дома мистера Ван-Бернама.

Она попыталась рассказать, но вышло так путано, что каждую мелочь приходилось вытягивать вопросами. Наконец ей удалось повторить уже известное нам: она вошла в дом с полицейским, и они наткнулись в гостиной на мертвую женщину.

На этом расспросы закончились. И мне, Амелии Баттерворт, пришлось молча смотреть, как она возвращается на место, еще более красная, но со странно довольным видом. Для меня он означал лишь одно: она отделалась легче, чем ожидала. И это после того, как мистера Грайса предупредили, что ей известно больше, чем кажется! Причем предупредил человек, которому он будто бы доверял!

Следующим вызвали врача. Его показания оказались чрезвычайно важными. Для меня они содержали одну неожиданность, для других – не одну. После нескольких предварительных вопросов ему предложили сказать, как давно наступила смерть к тому моменту, когда его позвали осмотреть погибшую.

– Больше двенадцати, но меньше восемнадцати часов назад, – спокойно ответил он.

– Трупное окоченение уже наступило?

– Нет, но началось вскоре после этого.

– Вы осматривали повреждения, нанесенные упавшим шкафом и стоявшими на нем вазами?

– Да.

– Опишите их, пожалуйста.

Он описал.

– А теперь… – Пауза коронера заставила всех почувствовать важность следующего вопроса. – Какое из этих многочисленных тяжелых повреждений, по вашему мнению, послужило причиной смерти?

Свидетель привык к подобным разбирательствам и чувствовал себя совершенно свободно. Он почтительно взглянул на коронера, медленно повернулся к присяжным и внушительно ответил:

– Господа, я готов утверждать: ни одно. Ее убило не падение шкафа.

– Не падение шкафа? Почему? Он был недостаточно тя-

жел или не повредил жизненно важные органы?

– Он был достаточно тяжел, а повреждения оказались бы смертельными, если бы при его падении женщина еще была жива. Но он нанес их телу, которое жизнь уже покинула.

Объяснение прозвучало предельно ясно. Многие, прежде этого не знавшие, весьма недвусмысленно выказали свой интерес. Но коронер оставил признаки растущего волнения без внимания и поспешил спросить:

– Вы делаете чрезвычайно серьезное заявление, доктор. Если она умерла не от повреждений, нанесенных упавшими предметами, то отчего? Можете ли вы утверждать, что смерть была естественной, а падение шкафа – лишь несчастной случайностью, произошедшей позднее?

– Нет, сэр, смерть не была естественной. Ее убили, но не упавшим шкафом.

– Убили, но не шкафом? Каким образом? Вы обнаружили другую рану, которую считаете смертельной?

– Да, сэр. Заподозрив, что причина смерти иная, чем кажется, я самым тщательным образом осмотрел тело. На затылке, под волосами у основания шеи, я заметил крохотную точку. Исследовав ее зондом, я обнаружил конец тонкого стального острия. Уверенной рукой его вонзили в самое уязвимое место тела. Смерть должна была наступить мгновенно.

Для некоторых впечатлительных слушателей это оказалось невыносимо: в зале ненадолго поднялся шум. Но он не

шел ни в какое сравнение с тем, что творилось у меня в душе.

Вот как! Значит, ей пронзили шею, а не сердце. Мистер Грайс позволил нам думать, будто удар пришелся в сердце. Но потрясло меня не это, а искусность и дьявольское хладнокровие человека, нанесшего смертельный удар.

Порядок, должна заметить, восстановили очень быстро. Коронер продолжил еще серьезнее:

– Вы смогли определить, не принадлежит ли обломок какому-нибудь медицинскому инструменту?

– Нет. Сталь слишком плохо закалена для инструмента, предназначенного колоть или резать. Самая обыкновенная сталь. Острие обломилось в ране; только его я и нашел.

– Этот обломок при вас? Я имею в виду острие, обнаруженное у основания мозга погибшей.

– Да, сэр.

Врач передал его присяжным. Пока обломок переходил из рук в руки, коронер заметил:

– Позднее мы покажем вам остальную часть орудия убийства.

Волнение от этого, конечно, не улеглось. Заметив растущий интерес, коронер продолжил расспросы.

– Доктор, можете ли вы сказать, сколько времени прошло между смертельным ранением и повреждениями, обезобразившими тело?

– Точно – нет, сэр. Но некоторое время прошло.

Некоторое время! А ведь убийца пробыл в доме всего де-

сять минут. Все были удивлены. Словно угадав общее любопытство, коронер подался вперед и отчетливо переспросил:

– Больше десяти минут?

Врач, вполне сознававший важность ответа, не колебался. Очевидно, мнение его уже сложилось.

– *Да. Больше десяти минут.*

Вот что в его показаниях *меня* потрясло.

Я вспомнила о том, что сообщили мне часы, но ни один мускул на моем лице не дрогнул. Неожиданности следовали одна за другой, и я училась владеть собой.

– Неожиданное заявление, – заметил коронер. – Чем вы можете его обосновать?

– Причины очень просты и хорошо известны, по крайней мере врачам. Крови оказалось слишком мало для повреждений, нанесенных до смерти или через несколько минут после нее. Будь женщина еще жива, когда их получила, или умри она совсем незадолго до этого, многочисленные тяжелые раны залили бы кровью весь пол. Но крови вытекло совсем немного. Настолько немного, что я сразу обратил на это внимание и пришел к изложенным выводам еще до того, как нашел след смертельного укола.

– Понимаю, понимаю! Поэтому вы пригласили двух врачей из соседних домов осмотреть тело прежде, чем его увезли?

– Да, сэр. Дело слишком важное, и я хотел, чтобы мое заключение подтвердили.

– Кого именно вы пригласили?

– Доктора Кэмпбелла с Восточной …-й улицы, дом сто десять, и доктора Джейкобса с Лексингтон-авеню, дом…[1]

– Эти господа здесь? – спросил коронер стоявшего рядом полицейского.

– Да, сэр.

– Хорошо. Пока зададим этому свидетелю еще пару вопросов. Вы сказали, что, даже если бы женщина была мертва всего несколько минут, получив такие повреждения, она залила бы пол кровью. На чем основано это утверждение?

– На том, что за несколько минут – скажем, за десять, раз уж назван именно такой срок, – тело не успевает остыть, а кровеносные сосуды еще недостаточно отвердевают, чтобы препятствовать свободному истечению крови.

– Через десять минут после смерти тело еще теплое?

– Да.

– Таким образом, ваши заключения логически вытекают из общеизвестных фактов?

– Безусловно, сэр.

Наступила довольно долгая пауза.

Затем коронер снова заговорил:

– Эти открытия осложняют дело, но мы не должны падать духом. Скажите, обнаружили ли вы на теле какие-либо особые приметы, способные помочь опознанию?

– Одну: небольшой шрам на левой щиколотке.

– Что за шрам? Опишите его.

– Такой мог остаться после ожога. Длинный и узкий, идет от косточки вверх по ноге.

– На правой ноге?

– Нет, на левой.

– Вы обратили чье-нибудь внимание на эту примету во время осмотра или после?

– Да. Показал ее сыщику мистеру Грайсу и двум коллегам. А также упомянул о ней мистеру Говарду Ван-Бернаму, сыну хозяина дома, где обнаружили тело.

Впервые прозвучало имя этого молодого человека. Меня бросило в холод, когда я увидела, сколько косых взглядов и выразительных пожатий плечами оно вызвало у собравшейся разношерстной публики. Однако предаваться чувствам было некогда: дознание становилось слишком интересным.

– Почему же, – спросил коронер, – вы сообщили об этом именно молодому человеку, а не кому-то другому?

– По просьбе мистера Грайса. Семья, как и сам молодой человек, опасалась, что погибшая может оказаться его пропавшей женой. Мы надеялись таким путем прояснить вопрос.

– И прояснили? Он признал, что видел такой шрам у своей жены?

– Сказал, что у нее был такой шрам, но погибшую своей женой не признал.

– Он видел шрам?

– Нет. Отказался взглянуть.

– Вы предлагали?

– Да, но он не проявил любопытства.

Коронер выждал минуту. Вероятно, решил, что молчание лучше всего подчеркнет этот поистине удивительный факт. Но молчания не получилось: со всех сторон поднялся неописуемый говор. Я ощутила жалость к гордой семье, чье доброе имя оказалось под угрозой из-за одного ее молодого представителя.

– Доктор, – продолжил коронер, когда говор стих, – вы заметили цвет волос погибшей?

– Светло-каштановые.

– Вы срезали прядь? Есть ли здесь образец, который можно показать?

– Да, сэр. По предложению мистера Грайса я срезал две небольшие пряди. Одну передал ему, другую принес сюда.

– Покажите.

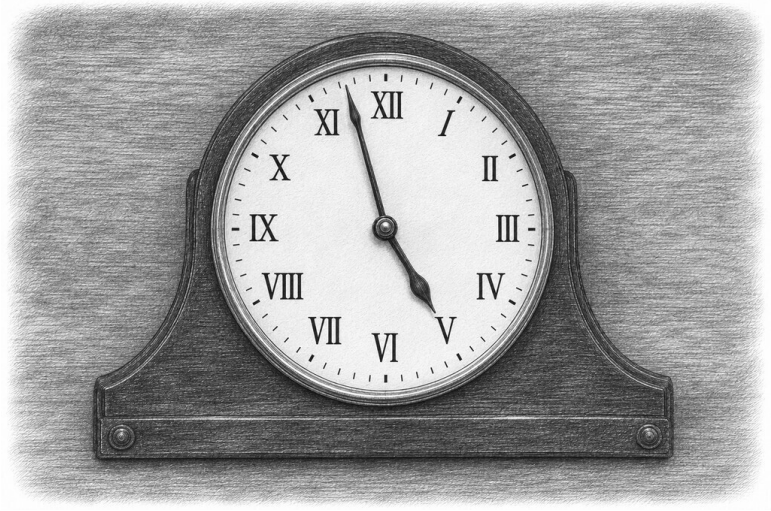
Врач подал прядь. На глазах у всех присутствующих коронер перевязал ее бечевкой и прикрепил ярлык.

– Чтобы исключить ошибку, – объяснил этот чрезвычайно педантичный чиновник, отложил прядь на стол перед собой и снова повернулся к свидетелю.

– Благодарю за ценные показания, доктор. Вы человек занятой, больше мы вас не задерживаем. Пригласите доктора Джейкобса.

И этот господин, и следующий свидетель лишь подтвердили слова первого. Теперь можно было считать установлен-

ным: шкаф упал на тело спустя некоторое время после смертельного ранения. Повторять их показания я не стану. Меня занимало другое: попытаются ли они установить время падения по тому, что показывали часы?

Показание часов: без трех минут пять

Глава X. Важные показания

По-видимому, нет, потому что следующее, что я услышала, было:

– Мисс Амелия Баттерворт!

Я не ожидала, что меня вызовут так скоро, и немного растерялась: в конце концов, я всего лишь человек. Но встала с подобающим спокойствием и направилась к указанному коронером месту с обычной своей прямотой. Ее лишь усиливало сознание важности моего положения – и как свидетельницы, и как женщины, которую некогда знаменитый мистер Грайс более или менее посвятил в свои дела.

Мое появление, кажется, вызвало интерес, к которому я не была готова. Я как раз думала, как хорошо прозвучало мое имя в зычном голосе коронера и как следует радоваться собственной смелости: ведь я заменила слабое, сентиментальное имя Араминта благородным именем Амелия. Тут я заметила, что в обращенных ко мне взглядах есть нечто труднообъяснимое. Не хотела бы назвать это восхищением и не назову весельем, хотя, похоже, там было и то и другое. Пока я разгадывала загадку, прозвучал первый вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.